

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

№ 4 / 2020

ЮриСт
издательская
группа

ISSN 2070-2140

9 772071 214779 >

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

2020
№ 4

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-33090 от 11 сентября 2008 г.

Учрежден в 2004 г. Издаётся 6 раз в год

Учредитель: Издательская группа «ЮРИСТ» ISSN 2070-2140

Главный редактор журнала:

Могилевский Станислав Дмитриевич,
директор Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Заместитель главного редактора:

Лескова Юлия Геннадьевна,
заведующая кафедрой предпринимательского, трудового
и корпоративного права Института права и национальной
безопасности РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

Арсланов К.М., к.ю.н., доцент;
Барков А.В., д.ю.н., профессор;
Батлер Уильям, д.ю.н., профессор;
Безбах В.В., д.ю.н., профессор;
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Вайпан В.А., к.ю.н., доцент;
Витрянский В.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
Габов А.В., д.ю.н., заслуженный юрист РФ,
член-корреспондент РАН;
Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;
Городов О.А., д.ю.н., профессор;
Ильина О.Ю., д.ю.н., профессор;
Камышанский В.П., д.ю.н., профессор;
Крашенинников П.В., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;
Михайлова И.А., д.ю.н., профессор;
Попондопуло В.Ф., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
Рабец А.М., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ;
Романец Ю.В., д.ю.н.;
Рыженков А.Я., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки Республики Калмыкия;
Сергеев А.П., д.ю.н., профессор;
Ситдикова Л.Б., д.ю.н., профессор;
Суханов Е.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
Цимерман Ю.С., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РСФСР;
Эккенга Йенс, д.ю.н., профессор;
Шапсугова М.Д., к.ю.н., доцент

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ,
член-корреспондент РАО;

Заместители главного редактора ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Платонова О.Ф., Ренов Э.Н.,
Трунцевский Ю.В.

Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Редакция: Курукина Е.И., Лаптева Е.А.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции/издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08. E-mail: avtor@lawinfo.ru

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

- Курбатов А.Я.** Соотношение неустойки и процентов
за пользование чужими денежными средствами 3
- Символоков О.А.** Формирование гражданско-правовых
механизмов поддержки распределенной генерации 7
- Ульбашев А.Х.** Соавторы как субъекты авторского права ... 11

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- Видра Д., Санникова Л.В., Харитонова Ю.С.**
Социализация права и технология распределенного
реестра: трансформация регулятивного воздействия 15
- Карцхия А.А.** Цифровые корпорации в новом качестве
управления 22
- Комиссарова Е.Г.** Информационное содействие
и информационные обязанности сторон в обязательстве:
системный взгляд 27
- Минбалеев А.В.** Проблемы правового регулирования
использования цифровых технологий в деятельности
саморегулируемых организаций 31

АКТУАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

- Мельникова Т.В., Шаляева Ю.В.** Повестка дня общего
собрания акционеров: некоторые проблемы правового
регулирувания 35
- Олейник Е.В.** Современные тенденции развития
законодательства о саморегулируемых организациях
в сфере строительства в Российской Федерации
и государствах — членах Евразийского
экономического союза 38
- Вологин С.С.** Особенности рассмотрения групповых
исков в правовой семье прецедентного права 42

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (решение Президиума
Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 № 6/6)
(12.00.03; 12.00.07 — юридические науки)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
eLIBRARY.RU и в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Подписка по России:

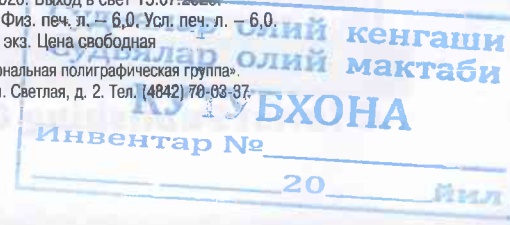
«Объединенный каталог. Пресса России» – 11159.

Подписано в печать 08.07.2020. Выход в свет 15.07.2020.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. – 6,0. Усл. печ. л. – 6,0.

Общий тираж 3000 экз. Цена свободная

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа»
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел. (4842) 70-03-37.

CIVIL LAW

2020
No. 4

FEDERAL SCIENCE-PRACTICE JOURNAL
Registered at the Federal Service for Supervision of Communications
and Mass Communications PI No. FC77-333090 September 11, 2008.

Founded in 2004. Published 6 times per year

Jurist Publishing Group ISSN 2070-2140

Editor in Chief:

Mogilevskij Stanislav Dmitrievich,
Director of the Institute of Law and National Security of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA), LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editor in Chief:

Leskova Yuliya Gennad'evna,
Head of the Department of Business, Labor and Corporate Law
of the Institute of Law and National Security, LL.D., Professor

Editorial Board:

Arslanov K.M., PhD (Law), Associate Professor;
Barkov A.V., LL.D., Professor;
Butler W., LL.D., Professor;
Bezbakh V.V., LL.D., Professor;
Blinkov O.E., LL.D., Professor;
Vaypan V.A., PhD (Law), Associate Professor;
Vitryanskij V.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF;
Gabov A.V., LL.D., Honored Lawyer of the RF, Corresponding
Member of the Russian Academy of Science;
Gongalo B.M., LL.D., Professor;
Gorodov O.A., LL.D., Professor;
Il'ina O.Yu., LL.D., Professor;
Kamyshanskij V.P., LL.D., Professor;
Krashennnikov P.V., LL.D., Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation;
Mikhajlova I.A., LL.D., Professor;
Popondopulo V.F., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation;
Rabec A.M., LL.D., Professor, Honored Scientist of the
Russian Federation;
Romanec Yu.V., LL.D.;
Ry'zhenkov A.Ya., LL.D., Professor, Honored Scientist of the
Republic of Kalmy'kia;
Sergeev A.P., LL.D., Professor;
Sitdikova L.B., LL.D., Professor;
Sukhanov E.A., LL.D., Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation;
Cimerman Yu.S., LL.D., Professor, Honored Lawyer
of the Russian Soviet Federal Socialist Republic;
Ekkenga J., LL.D., Professor;
Shapsugova M.D., PhD (Law), Associate Professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor, Honored Lawyer of the Russian
Federation, Corresponding Member of the Russian Academy
of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Belykh V.S., Platonova O.F., Renov Eh.N.,
Truncevskij Yu.V.

Editorial Subscription Centre: Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Editorial Office: Kurukina E.I., Lapteva E.A.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial office / publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel.: (495) 953-91-08. E-mail: avtor@lawinfo.ru

Contents

RELEVANT ISSUES OF CIVIL LAW

- Kurbatov A.Ya.** The Correlation Between Forfeit
and Interest 3
Simvolokov O.A. The Establishment of Civil Law
Mechanisms of Distributed Generation Support 7
Ulbashev A.Kh. Co-Authors as Copyright Subjects 11

DIGITAL ECONOMY: TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF CIVIL LAW REGULATION

- Wydra D., Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S.**
The Socialization of Law and the Distributed Ledger
Technology: The Transformation of Regulatory Impact 15
Kartskhiya A.A. Digital Corporations in the New
Management Quality 22
Komissarova E.G. Informational Cooperation
and Informational Liabilities of Parties in an Obligation:
A Systemic View 27
Minbaleev A.V. Issues of the Legal Regulation
of Digital Technology Use in Operations
of Self-Regulated Organizations 31

RELEVANT OPINION

- Melnikova T.V., Shalyaeva Yu.V.** Agenda of a General
Meeting of Shareholders: Some Legal Regulation Issues 35
Oleynik E.V. Modern Tendencies of the Development
of Laws on Self-Regulated Organizations
in the Construction Sphere in the Russian Federation
and Eurasian Economic Union Member States 38
Vologin S.S. The Peculiarities of the Review of Class
Suits in the Legal System of Case Law 42

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals,
where basic scientific results of doctoral and PhD theses shall be published
(decision of the Presidium of the Supreme Attestation Commission of the Ministry
of Education and Science of Russia of 19.02.2010 № 6/6) (12.00.03; 12.00.07 — law sciences)

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

eLIBRARY.RU, RSCI (Web of Science)

Subscription in Russia:

Unified Catalogue. Russian Press — 11159.

Passed for printing 08.07.2020. Issue is printed 15.07.2020.

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet — 6,0. Conventional printed sheet — 6,0.

General circulation 3000 copies. Free market price

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, Svetlaya St., Severnij Settlement, Kaluga, 248031. Tel. (4842) 70-03-37

Соотношение неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами*

Курбатов Алексей Янович,
 профессор кафедры гражданского права
 Российского государственного университета правосудия,
 доктор юридических наук
 akurbatov63@mail.ru

Под соотношением неустойки (штрафа, пени) и процентов за пользование чужими денежными средствами как мерами гражданско-правовой ответственности в настоящей статье понимаются следующие вопросы:

- а) об общих и отличительных признаках этих мер;
- б) о возможности их одновременного взыскания и о выборе между ними;
- в) о возможности начисления одной меры ответственности на другую.

Ранее судебная практика, толкуя законодательные нормы, исходила из того, что при наличии оснований для применения законных процентов за пользование чужими денежными средствами на основании ст. 395 Гражданского кодекса РФ, а также законной или договорной неустойки кредитор вправе предъявить требование о применении одной из этих мер. Такой же подход применялся при наличии договорных процентов за пользование чужими денежными средствами, а также неустойки за то же нарушение, за исключением штрафной (см. соответственно утратившие силу п. 6 и абз. 6 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ № 13/14 от 8 октября 1998 г. «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами», далее — Постановление № 13/14).

Тем самым эти меры ответственности разделялись, одновременное их взыскание не допускалось, что означало и невозможность начисления друг на друга, а право выбора, какую меру ответственности применять, принадлежало кредитору.

В то же время допускается начисление процентов за пользование чужими денежными средствами на проценты как плату за пользование заемными средствами в случаях, предусмотренных договором (см. абз. 4 п. 15 Постановления № 13/14). Этот абзац остался действующим, соответственно, для предпринимательских отношений сохранился подход о возможности начисления процентов за пользование чужими денежными средствами только на проценты как плату и только в случаях, предусмотренных договором. Для отношений с потребителями впоследствии Президиум ВАС РФ дал разъяснение,

что условие кредитного договора, направленное на прямое или косвенное установление сложных процентов (процентов на проценты), ущемляет установленные законом права потребителя (п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров»), что являлось примером некорректного формирования судебной практики, поскольку Президиум высшего суда не может корректировать подходы Пленума.

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в ст. 395 ГК РФ были закреплены два положения, согласно которым:

1) в случае, когда соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства, предусмотренные ст. 395 ГК РФ проценты не подлежат взысканию, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 4).

Тем самым для случая, когда есть основания взыскивать договорную неустойку и законные проценты за пользование чужими денежными средствами, кредитор лишен права выбора, поскольку приоритет отдается договорной неустойке. Для остальных случаев, когда обе меры ответственности являются либо законными, либо договорными, вопрос остался законодательно не урегулированным. В связи с этим появилась правовая неопределенность в вопросе, что иное может быть предусмотрено законом или договором;

2) начисление процентов на проценты (сложные проценты) не допускается, если иное не установлено законом. По обязательствам, исполняемым при осуществлении сторонами предпринимательской деятельности, применение сложных процентов не допускается, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 5).

Соответственно, получилось, что на уровне закона подтверждены судебные подходы о возможности в предпринимательских отношениях предусматривать сложные проценты договором.

* Статья подготовлена с использованием материалов справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако включение этого правила в статью Гражданского кодекса РФ о процентах за пользование чужими денежными средствами и употребление просто понятия «проценты» породили вопрос, не означает ли это законодательное введение возможности начисления процентов за пользование чужими денежными средствами (например, законных) на несвоевременно уплаченные договорные проценты. И как следствие, по аналогии возник вопрос о возможности начисления процентов за пользование чужими денежными средствами на неустойку.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — Постановление № 7) этот вопрос разьяснен фрагментарно. В частности, указано, что проценты за пользование чужими денежными средствами не начисляются на судебные неустойки (абз. 4 п. 28) и на публичные санкции (абз. 2 п. 38).

Неустойка и проценты за пользование чужими денежными средствами как санкции дополнительного (штрафного) характера

По данному вопросу необходимо учитывать следующее. С точки зрения претерпевания нарушителем негативных последствий речь ведется о юридической ответственности, а с точки зрения применения ее государством — о юридических санкциях. В общем виде юридические санкции представляют собой реакцию государства на факт противоправного поведения и заключаются в государственном принуждении обязанного субъекта к соблюдению правовых требований.

Деление способов защиты, реализуемых в юрисдикционной форме, на меры защиты (пресекательные и регулятивные) и меры ответственности совпадает с делением юридических санкций на правосстановительные и штрафные.

Меры защиты реализуются за счет применения к правонарушителю правосстановительных санкций, а меры ответственности — за счет санкций штрафного характера (см. абз. 2 п. 5 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П, абз. 4 п. 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1999 г. № 195-О).

Правосстановительные санкции призваны устранить правонарушение и его последствия. Санкции штрафного характера состоят в дополнительных для нарушителя неблагоприятных последствиях, в которых реализуется превентивная функция ответственности (см., например, абз. 3 п. 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П).

Принципиальные различия между правосстановительными и штрафными санкциями (и соответственно, мерами защиты и мерами ответственности) при их применении заключаются в следующем:

1) для применения санкций штрафного характера необходимо наличие вины, если иное не установлено законом (см., например, абз. 4 п. 1.1 мотиви-

ровочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П). Под оговоркой имеются в виду меры гражданско-правовой ответственности, которые могут применяться вне зависимости от наличия вины должника, например при осуществлении предпринимательской деятельности либо за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых было возложено исполнение (см. соответственно п. 3 ст. 401 и ст. 403 ГК РФ).

Для применения правосстановительных санкций достаточно факта объективно противоправного деяния. Исключение здесь опять же составляет гражданское законодательство, где при возмещении имущественного вреда и компенсации морального вреда (правосстановительные санкции) может учитываться вина причинителя вреда (см. соответственно ст. 151 и 1064 ГК РФ);

2) две санкции штрафного характера за одно правонарушение применять нельзя (см., например, п. 1 резолютивной части Определения Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 130-О, абз. 1 п. 4.2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П, абз. 4 п. 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П).

В зависимости от последствий правонарушения можно применять несколько правосстановительных санкций. Кроме того, они могут применяться одновременно с санкциями штрафного характера;

3) размер санкций штрафного характера может снижаться судом (см., например, абз. 2 п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 6 июля 2001 г. № 144-О).

Снижение размера правосстановительных санкций в связи с их несоразмерностью судом производиться не должно.

Следует подчеркнуть, что большинство правовых позиций Конституционного Суда РФ по поводу общеправовых принципов применения ответственности касаются публично-правовой ответственности. Однако эти принципы как общеправовые применимы и к гражданско-правовой ответственности. Как отмечает сам Конституционный Суд РФ, его правовые позиции в отношении публично-правовой ответственности применимы и к регулированию гражданско-правовой ответственности в той мере, в какой устанавливаемые законодателем штрафные по своему характеру санкции выполняют и публичную функцию превенции (абз. 4 п. 4.1 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П).

Неустойка и проценты за пользование чужими денежными средствами относятся к санкциям дополнительного (штрафного) характера, поскольку их взыскание не связано с наличием убытков. Это проявляется в возможности снижения обеих мер ответственности по основанию несоразмерности правонарушению. Например, до появления п. 6 ст. 395 ГК РФ судебная практика признавала возможность снижения процентов за пользование чужими денежными средствами на основании

ст. 333 ГК РФ, т.е. по аналогии с неустойкой (см. утративший силу абз. 1 п. 7 Постановления № 13/14).

Следует также отметить противоречие между подходами Конституционного Суда РФ и теорией гражданского права по поводу снижения размера мер ответственности (штрафных санкций). Конституционный Суд РФ обосновывает возможность такого снижения общеправовыми принципами, а в теории гражданского права — компенсационным характером этих мер ответственности, что противоречит их правовой природе и полностью нивелирует их превентивную функцию. Не случайно обозначилась тенденция ограничения применения ст. 333 ГК РФ. Согласно п. 2 этой статьи, уменьшение неустойки, определенной договором и подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается в исключительных случаях, если будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды.

Разграничение неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами

В настоящее время встречается точка зрения, согласно которой проценты за пользование чужими денежными средствами являются разновидностью неустойки. Однако такой подход опровергается целым рядом отличий этих мер ответственности друг от друга, которые не только выделяются в теории гражданского права, но и подтверждаются законодательным регулированием и судебной практикой.

Во-первых, нормы о неустойке и процентах за пользование чужими денежными средствами структурно содержатся в разных статьях и главах Гражданского кодекса РФ (см. главы 23 и 25).

Во-вторых, проценты за пользование чужими денежными средствами могут взыскиваться как в договорных, так и во внедоговорных отношениях (абз. 1 п. 37 Постановления № 7). Традиционной сферой применения неустойки являются договорные отношения. В других отношениях неустойка (штраф) может взыскиваться только в случаях, предусмотренных законом. В качестве примеров можно привести корпоративные отношения (см., например, п. 3 ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»), судебную неустойку при исполнении обязательств в натуре (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, п. 28 и 30 Постановления № 7), неисполнение обязанности по возврату имущества, полученного по недействительной сделке (п. 3 ст. 329 ГК РФ, п. 64 Постановления № 7).

В-третьих, проценты за пользование чужими денежными средствами взыскиваются только за нарушение денежных обязательств (абз. 2 п. 37 Постановления № 7). Неустойкой могут обеспечиваться обязательства в натуре (ст. 396 ГК РФ).

В-четвертых, неустойка в отличие от процентов за пользование чужими денежными средствами является способом обеспечения исполнения обязательства. Как следствие: неустойкой по прин-

ципу отступного могут погашаться обязательства в натуре и по уплате судебной неустойки (п. 3 ст. 396 ГК РФ, п. 29 и 62 Постановления № 7); если неустойка предусмотрена на случай неисполнения обязанности по возврату имущества, полученного по недействительной сделке, то недействительность или незаключенность договора сама по себе не влечет недействительности или незаключенности условия о неустойке (п. 3 ст. 329 ГК РФ, абз. 2 п. 64 Постановления № 7).

В-пятых, у этих мер ответственности разные правила соотношения с убытками. Проценты за пользование чужими денежными средствами по отношению к убыткам носят зачетный характер, т.е. убытки взыскиваются в части, превышающей эти проценты (п. 2 ст. 395 ГК РФ). По неустойке — это общее правило, договором может быть установлено иное соотношение с убытками: когда допускается взыскание только неустойки, но не убытков; когда убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки; когда по выбору кредитора могут быть взысканы либо неустойка, либо убытки (п. 1 ст. 394 ГК РФ).

В-шестых, у этих мер ответственности разное соотношение между договорным и законным размерами. По процентам за пользование чужими денежными средствами приоритет имеет договорный размер (п. 1 ст. 395 ГК РФ). В то же время если есть законная неустойка, то договором ее размер можно только увеличить (п. 2 ст. 332 ГК РФ, п. 61 Постановления № 7).

В-седьмых, в качестве неустойки может взыскиваться имущество, определенное родовыми признаками (абз. 3 п. 60 Постановления № 7). Проценты за пользование чужими денежными средствами взыскиваются только в денежных средствах.

В-восьмых, у этих мер ответственности разные способы исчисления. Проценты за пользование чужими денежными средствами исчисляются в процентах годовых, иным может быть только размер процентов (п. 1 ст. 395 ГК РФ). Размер неустойки может быть установлен в твердой сумме — штраф или в виде периодически начисляемого платежа — пени (п. 1 ст. 330 ГК РФ, абз. 1 п. 60 Постановления № 7). Кроме того, неустойка может быть установлена договором в виде сочетания штрафа и пени за одно нарушение, т.е. исчисляться одновременно двумя способами (п. 80 Постановления № 7).

В-девятых, у процентов за пользование чужими денежными средствами и неустойки отличающийся порядок снижения судом.

Для процентов установлен предельный размер снижения — размер ключевой ставки Банка России (п. 6 ст. 395 ГК РФ). Статья 333 ГК РФ по общему правилу при снижении этих процентов не применяется (абз. 4 п. 48 Постановления № 7).

Основания для уменьшения размера неустойки по правилам ст. 333 ГК РФ определяются судом через оценку несоразмерности неустойки и необоснованности выгоды кредитора (п. 73–75 Постановления № 7). При этом Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 7 разделил вопрос о предельном размере снижения неустойки примени-

тельно к денежным и неденежным обязательствам. По неденежным обязательствам п. 6 ст. 395 ГК РФ не применяется, если иное не установлено законом (см. абз. 2 п. 76). По денежным обязательствам предел снижения, установленный п. 6 ст. 395 ГК РФ, применяется (абз. 3 п. 72). По мнению автора, применение правил о неустойке по аналогии к процентам за пользование чужими денежными средствами абсолютно оправданно, поскольку в противном случае создаются преимущества для должника при применении неустойки (для нее предельный размер снижения законом не установлен).

Учитывая отмеченные отличия, неустойку и проценты за пользование чужими денежными средствами следует признать двумя самостоятельными разновидностями штрафных санкций и мер гражданско-правовой ответственности.

О возможности одновременного взыскания неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами, о выборе между ними и о возможности начисления одной меры ответственности на другую

По данным вопросам ключевое значение приобретает общеправовой принцип недопустимости двойной ответственности за одно нарушение, а более конкретно, что две санкции штрафного характера за одно правонарушение применять нельзя.

Поскольку и неустойка, и проценты за пользование чужими денежными средствами относятся к санкциям дополнительного (штрафного) характера, одновременное их взыскание нарушает этот принцип. Поэтому любые законодательные положения, которые буквально допускают двойственное понимание по данному вопросу, должны толковаться системно-логическим способом с учетом того, что две санкции штрафного характера за одно правонарушение не применяются.

По этой же причине невозможно начисление этих мер ответственности друг на друга в любом сочетании и вне зависимости от того, законные они либо договорные. Соответственно, понятие сложных процентов следует понимать только как возможность начисления процентов, являющихся мерой ответственности, на проценты, являющейся платой. Проценты, предусмотренные ст. 317.1 ГК РФ, требуют отдельного разговора, поскольку, по мнению автора, они являются правосоставительной санкцией¹.

Установление законом приоритета неустойки по отношению к процентам за пользование чужими денежными средствами не противоречит принципу недопустимости двойной ответственности за одно нарушение и правовой сущности этих мер. По сути, это является законодательным ограничением прав кредиторов (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, п. 2 ст. 1 ГК РФ)².

При этом следует учитывать, что, как уже отмечалось, п. 4 ст. 395 ГК РФ урегулировал этот вопрос только для случая, когда есть основания взыскивать договорную неустойку и законные проценты за пользование чужими денежными средствами. Для остальных случаев, когда обе меры ответственности являются либо законными, либо договорными, неустойка также имеет приоритет, согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении № 7 (см. п. 42 и 52).

Следовательно, под иным, что может быть предусмотрено законом или договором согласно п. 4 ст. 395 ГК РФ, следует понимать только иной приоритет, т.е. приоритет процентов за пользование чужими денежными средствами по отношению к неустойке. Учитывая принцип недопустимости двойной ответственности за одно нарушение, эту оговорку нельзя понимать как возможность одновременного взыскания неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами.

В отличие от этих мер, поскольку взыскание убытков является правосоставительной санкцией, их взыскание допускается одновременно с неустойкой либо процентами за пользование чужими денежными средствами, а на сами убытки как денежное выражение вреда могут начисляться проценты за пользование чужими денежными средствами (см. абз. 1 п. 37 Постановления № 7). Общее правило о зачетном характере неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами по отношению к убыткам является еще одним примером искажения их правовой природы.

Литература

1. Курбатов А.Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации / А.Я. Курбатов. Москва : Юриспруденция, 2010. 278 с.
2. Курбатов А.Я. Проценты по статье 317.1 ГК России: невыполненное системно-логическое толкование и непройденный тест на конституционность / А.Я. Курбатов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 35–42.

References

1. Kurbatov A.Ya. Pravosub'yektnost kreditny'kh organizatsiy: teoreticheskie osnovy' formirovaniya, sodержanie i problemy' realizatsii [The Legal Capacity of Credit Institutions: Theoretical Bases of Establishment, Content and Implementation Issues] / A.Ya. Kurbatov. Moskva : Yurisprudentsiya — Moscow : Jurisprudence, 2010. 278 s.
2. Kurbatov A.Ya. Protsenty' po statye 317.1 GK Rossii: nevy'polnennoe sistemno-logicheskoe tolkovanie i neproydenny'y test na konstitutsionnost' [Interest Under Article 317.1 of the Civil Code of Russia: Non-Performed Systemic and Logical Interpretation and a Failed Constitutionality Test] / A.Ya. Kurbatov // Zakony' Ros-sii: opyt', analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2016. № 7. S. 35–42.

¹ См.: Курбатов А.Я. Проценты по статье 317.1 ГК России: невыполненное системно-логическое толкование и непройденный тест на конституционность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 35–42.

² Подробнее об ограничении прав см.: Курбатов А.Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы

формирования, содержание и проблемы реализации. М. : Юриспруденция, 2010. С. 37–47.

Формирование гражданско-правовых механизмов поддержки распределенной генерации

Символоков Олег Анатольевич,
ведущий научный сотрудник отдела
гражданского законодательства и процесса
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
simvolokovo@mail.ru

Распределенная генерация связана с технологиями когенерации (производство электрической и тепловой энергии), тригенерации (производство электрической, тепловой энергии и холода), генерации на основе возобновляемых источников энергии, а также собственной генерацией.

Ключевой и естественный стимул инициативного внедрения распределенной генерации в России — снижение экономических расходов на электрическую энергию и услуги по ее передаче. Распределенная генерация также является резервным ресурсом, восполняющим мощности объектов централизованной энергетики, выводимым в ремонт или из эксплуатации, обеспечивает потребности в электрической энергии при возникновении чрезвычайных ситуаций. Потребитель заинтересован в создании своей генерации или в приобретении электрической энергии у производителя электрической энергии — владельца распределенной генерации с целью полного или частичного обеспечения себя дешевой электрической и тепловой энергией, а иногда и холода. В условиях высокой стоимости электрической энергии, предоставляемой ЕЭС России либо технологически изолированными территориальными энергетическими системами, включая высокие тарифы на передачу электрической энергии, как в бытовом секторе, так и в промышленности, участились случаи отказа потребителя от централизованного энергоснабжения. Стихийное развитие собственной генерации свидетельствует о том, что услуги централизованного энергоснабжения невыгодны для потребителя. В этом случае распределенная генерация, создавая преимущества для потребителя, предоставляя ему энергетическую независимость, в то же время влечет экономические риски, связанные с некомпенсируемыми затратами как для централизованного электро- и теплоснабжения, так и для сетевой инфраструктуры, снижает уровень энергетической безопасности страны. Эти риски, так же как и неизбежность внедрения современных распределенных технологий в энергетике,

осознаны и закреплены на уровне документов стратегического планирования.

В Энергетической стратегии России на период до 2030 года в качестве приоритетного направления научно-технического прогресса в энергетическом секторе предусматривается широкое развитие распределенной генерации. Развитие и распространение прорывных технологий в сфере энергетики, в том числе технологий использования возобновляемых источников энергии, распределенной генерации электрической энергии, отнесено Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации к трансграничному вызову энергетической безопасности¹. В Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года² отмечается, что новые технологии распределенного производства электрической энергии, создают принципиально новые условия для развития конкурентного розничного рынка, но снижают предсказуемость для инвесторов в отношении возврата инвестиций в объекты оптовой генерации.

Своевременное и адекватное реагирование на указанный вызов должно быть обеспечено соответствующей нормативно-правовой базой, стимулирующей внедрение технологий распределенной энергетики, в том числе распределенной генерации.

Состояние нормативно-правового регулирования отношений по развитию распределенной генерации является избирательным, фрагментарным. Связано это в первую очередь с концептуальным подходом к соотношению распределенной и централизованной генерации, принятым на уровне документов стратегического планирования. Доктрина энергетической безопасности ставит общую задачу

¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс».

по обеспечению экономически эффективного сочетания использования систем централизованного электро- и теплоснабжения с развитием распределенной генерации электрической энергии и интеллектуализацией энергетических систем, а также с использованием местных ресурсов, в том числе возобновляемых источников энергии. Конкретизация условий, при которых соотношение между централизованной и распределенной генерацией будет экономически эффективным, установление правовых форм их сосуществования осуществляется постепенно, в тех сферах и с учетом приоритетов, которые не влекут экономического и технологического дисбаланса, что следует признать оправданным. Избранный концептуальный подход позволяет приспособить технологии распределенной генерации к сложившимся отношениям в энергетике без понижения уровня надежности и безопасности энергоснабжения.

В русле общего подхода определено направление по первоочередному развитию распределенной генерации, в том числе на основе возобновляемых источников энергии, в изолированных и удаленных энергорайонах субъектов Российской Федерации³, обладающих необходимыми природными условиями и ресурсами⁴, на основе внедрения и реализации механизма поддержки использования распределенной генерации в целях снижения затрат на энергоснабжение потребителей, расположенных в таких энергорайонах⁵.

Для изолированных и удаленных энергорайонов распределенная генерация, в том числе использующая энергию возобновляемых источников, является фактически безальтернативным способом решения проблем надежного и доступного энергоснабжения, проблемы снижения стоимости электрической энергии. Поэтому для таких энергорайонов проблема поиска и закрепления оптимального соотношения централизованной и распределенной генерации, по существу, не стоит. Данное соотношение должно быть разрешено в пользу распределенной генерации.

Со всей остротой задача гармоничного развития централизованной и распределенной генерации поставлена перед ЕЭС России. В отсутствие законодательного запрета распределенная генерация развивается здесь стихийно за счет так называемой собственной генерации. Инвестиционные источники, как правило, также собственные либо привлеченные.

Поддержку на законодательном уровне получили генерация на основе возобновляемых источников энергии⁶, когенерация (комбинированная выработка электрической и тепловой энергии)⁷, а также микрогенерация⁸, в том числе на основе возобновляемых источников энергии.

С точки зрения используемых гражданско-правовых механизмов поддержки распределенной генерации в законодательстве предусмотрены, в частности: договор предоставления мощности генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии; обязанность сетевой организации в первую очередь приобретать электрическую энергию, произведенную на генерирующих объектах, использующих возобновляемые источники энергии, для компенсации потерь в электрических сетях; обязанность гарантирующего поставщика заключать договор купли-продажи электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации, расположенных на территории деятельности гарантирующего поставщика; обязанность гарантирующего поставщика осуществлять оплату электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации.

Анализ документов стратегического планирования и законодательства в сфере электроэнергетики и теплоснабжения показывает, что происходит постепенное формирование нормативно-правовой базы распределенной генерации.

Несмотря на то что термин «распределенная генерация» широко применяется как в документах стратегического планирования, так и в доктрине, в настоящее время не сложилось единого определения распределенной генерации, а его содержание в законодательстве не раскрывается.

Распределенная генерация — «электростанции, расположенные поблизости от потребителя, подключенные к распределительной электрической сети (110 кВ и ниже), либо напрямую поставляющие электроэнергию потребителю. Ограничение по мощности и технологии не учитываются (если это не оговаривается отдельно)»⁹.

Другое определение: распределенная генерация — энергообъекты, функционирующие на розничных рынках электрической (тепловой) энергии.

В Стратегии развития энергомашиностроения Российской Федерации на 2010–2020 годы и на

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. // Российская газета. 2018. 2 марта.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 30 сентября 2018 г. № 2101-р «Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Попондопуло В.Ф., Городов О.А., Петров Д.А. Возобновляемые источники энергии в электроэнергетике // Энергетическое право. 2011. № 1. С. 23–30.

⁷ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 471-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электроэнергетике” в части развития микрогенерации» (далее — Закон об электроэнергетике) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Хохлов А. и др. Распределенная энергетика в России: потенциал развития. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_DER-3_0_2018.02.01.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

перспективу до 2030 года¹⁰ разграничение общесистемная и распределенной генерации проводится по типу электростанций, объему мощности и удаленности объектов генерации от потребителя. К общесистемной генерации Стратегией развития энергомашиностроения относятся электростанции мощностью свыше 25 МВт, расположенные вдали от потребителей, к распределенной генерации — тепловые электростанции мощностью до 25 МВт и возобновляемые источники энергии (ВИЭ), расположенные в непосредственной близости от потребителей.

Критерии классификации объектов распределенной генерации не исчерпываются удаленностью (географическим положением) электростанции от потребителей, мощностью генерирующего объекта, типом электростанции. К таким критериям могут быть отнесены также тип первичного источника энергии, технология генерации (газотурбинные установки, солнечные батареи и др.), доля потребления энергии основным потребителем электростанции, уровень напряжения подключения к сетям, процесс выработки энергии (электрическая, когенерация, тригенерация) и др.¹¹

Ни один из критериев не может служить в качестве единственного критерия распределенной генерации. Понимание распределенной генерации связывают с комплексом критериев, среди которых выделяют главные признаки, в которых прослеживается взаимосвязь с действующим регулированием, выделяющим электростанции оптового и розничного рынков (удаленность от потребителя, ограничение по мощности генерирующего объекта, по типу электрических сетей). Общее понятие распределенной генерации, по существу, интегрирует в себе критерии, а виды распределенной генерации, выделяемые с учетом одного или нескольких критериев, позволяющих противопоставить ее централизованной генерации (распределенная генерация в рамках ЕЭС России и в изолированных районах; распределенная генерация, интегрированная в энергосистему, и автономная генерация; распределенная генерация мощностью до и свыше 25 МВт, в том числе микрогенерация; распределенная генерация, продукция которой продается на оптовом или розничном рынке, и др.). В связи с этим общее понятие распределенной генерации, которое бы объединяло все возможные признаки (критерии) производства электрической энергии, отличающие этот процесс от централизованной генерации, может быть только теоретическим и непригодно для практических целей. Развивать и поддерживать можно только конкретную разновидность распределенной генерации.

¹⁰ Приказ Минпромторга России от 22 февраля 2011 г. № 206 «Об утверждении Стратегии развития энергомашиностроения Российской Федерации на 2010–2020 годы и на перспективу до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Хохлов А. и др. Указ. соч.

Это понимание реализуется в действующем законодательстве, в частности в отношении микрогенерации, которая является особым видом распределенной генерации.

К объекту микрогенерации Закон об электроэнергетике (абз. 51 ст. 3) относит объекты, в совокупности соответствующие следующим критериям: принадлежность на праве собственности или ином законном основании объекта по производству электрической энергии потребителю (физическому лицу); технологическое присоединение к сетям низкого напряжения (до 1000 вольт); многовариантность технологии генерации (в том числе с использованием возобновляемых источников энергии); цели использования — для собственных нужд и для продажи; объем выдачи электрической энергии в сеть не должен превышать мощности присоединенных устройств потребителя, но не более 15 кВт; электрическое оборудование для выдачи электрической энергии в сеть, как правило, не должно использоваться для других целей.

Закреплению определения объекта микрогенерации в Законе об электроэнергетике предшествовало его широкое обсуждение с участием органов власти, представителей научного сообщества и других заинтересованных лиц. Предлагались различные варианты указанного определения. Так, под объектом микрогенерации предлагалось понимать «объект по производству электрической энергии мощностью до 25 кВт с использованием возобновляемых источников энергии для удовлетворения собственных нужд и реализации излишков энергии на розничных рынках через присоединенную сеть»¹².

Нормы о микрогенерации следует считать началом движения отечественного законодателя по пути признания и внедрения системы активного участия потребителя в децентрализованном производстве электрической энергии, становления клиентоориентированной электроэнергетики¹³. По существу, легитимирован новый субъект отношений в сфере электроэнергетики — производящий потребитель-продавец электрической энергии, именуемый специалистами в сфере распределенной генерации также активным (проактивным) потребителем (просьюмером)¹⁴.

¹² Камышанский В.П. Гражданско-правовое стимулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии как формы энергосбережения // Гражданское право. 2018. № 4. С. 9.

¹³ См.: Куликов А.Л., Осокин В.Л., Папков Б.В. Проблемы и особенности распределенной электроэнергетики // Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического института. 2018. № 11. С. 125.

¹⁴ См.: Горгишели М.В. Трансформация бизнес-моделей генерирующих компаний на российском рынке: просьюмеризм как движущая сила // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 8. С. 31; Зубакин В.А. Анализ тенденций преобразований и развития российской электроэнергетики // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. № 6. С. 105.

Несомненно, что распределенную генерацию необходимо планомерно развивать в тесном сотрудничестве с централизованной энергетикой и в тех направлениях, которые позволят российской электроэнергетике своевременно реагировать на возникающие вызовы и угрозы.

В качестве направлений дальнейшего совершенствования законодательства в части поддержки распределенной генерации может быть предложено: заключение единого договора между гарантирующим поставщиком и потребителем — производителем электрической энергии с использованием объектов микрогенерации; установление стоимости электрической энергии, производимой объектами распределенной генерации, на уровне цены розничного рынка на период окупаемости объекта микрогенерации (стимулирующий тариф), а после истечения периода окупаемости — на уровне цены оптового рынка; определение условий расширения механизма активного участия потребителя, осуществляющего производство электрической энергии с использованием объектов распределенной генерации, в торговле электрической энергией в рамках рынков распределенной генерации; введение особого механизма формирования тарифа на услуги по передаче электрической энергии (например, включение составляющей за резервирование сетей в структуру указанного тарифа), обеспечивающего экономически обоснованное участие активного потребителя в содержании сетевой инфраструктуры.

Литература

1. Горгишели М.В. Трансформация бизнес-моделей генерирующих компаний на российском рынке: просьюмеризм как движущая сила / М.В. Горгишели // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 8. С. 30–36.
2. Зубакин В.А. Анализ тенденций преобразований и развития российской электроэнергетики / В.А. Зубакин // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. № 6. С. 104–115.
3. Камышанский В.П. Гражданско-правовое стимулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии как формы энергосбережения / В.П. Камышанский // Гражданское право. 2018. № 4. С. 8–11.
4. Куликов А.Л. Проблемы и особенности распределенной электроэнергетики / А.Л. Куликов, В.Л. Осокин, Б.В. Папков // Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического института. 2018. № 11. С. 123–136.
5. Попондопуло В.Ф. Возобновляемые источники энергии в электроэнергетике / В.Ф. Попондо-

пуло, О.А. Городов, Д.А. Петров // Энергетическое право. 2011. № 1. С. 23–30.

6. Хохлов А. и др. Распределенная энергетика в России: потенциал развития / А. Хохлов, Ю. Мельников, Ф. Веселов [и др.]. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_DER-3.0_2018.02.01.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

References

1. Gorgisheli M.V. Transformatsiya biznes-modeley generiruyuschikh kompaniy na rossiyskom ry`nke: prosyumerizm kak dvizhushchaya sila [The Transformation of Business Models of Generating Companies on the Russian Market: Prosumerism as a Driving Factor] / M.V. Gorgisheli // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta — Bulletin of the Samara State University of Economics. 2019. № 8. S. 30–36.
2. Zubakin V.A. Analiz tendentsiy preobrazovaniy i razvitiya rossiyskoy elektroenergetiki [An Analysis of Tendencies of the Transformation and Development of the Russian Electric Power Industry] / V.A. Zubakin // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki — Scientific and Technical News of the Saint Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences. 2019. № 6. S. 104–115.
3. Kamyshanskiy V.P. Grazhdansko-pravovoe stimulirovanie energosnabzheniya s ispolzovaniem vozobnovlyaemy`kh istochnikov energii kak formy` energosberezheniya [The Civil Law Stimulation of Electric Power Supply with the Use of Renewable Energy Sources as Energy Saving Forms] / V.P. Kamyshanskiy // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2018. № 4. S. 8–11.
4. Kulikov A.L. Problemy` i osobennosti raspredelennoy elektroenergetiki [Issues and Peculiarities of the Distributed Electric Power Industry] / A.L. Kulikov, V.L. Osokin, B.V. Papkov // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo inzhenerno-ekonomicheskogo instituta — Bulletin of the Nizhni Novogorod Engineering-Economic State Institute. 2018. № 11. S. 123–136.
5. Popondopulo V.F. Vozobnovlyaemy`e istochniki energii v elektroenergetike [Renewable Energy Sources in the Electric Power Industry] / V.F. Popondopulo, O.A. Gorodov, D.A. Petrov // Energeticheskoe pravo — Energy Law. 2011. № 1. S. 23–30.
6. Khokhlov A. i dr. Raspredeleonnaya energetika v Rossii: potentsial razvitiya [Khokhlov A. et al. The Distributed Power Industry in Russia: The Development Potential] / A. Khokhlov, Yu. Melnikov, F. Veselov [et al.]. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_DER-3.0_2018.02.01.pdf (data obrascheniya: 15.03.2020).

Соавторы как субъекты авторского права

Ульбашев Алим Хусейнович,

преподаватель Французского университетского колледжа
при Московском государственном университете (МГУ)

имени М.В. Ломоносова,

кандидат юридических наук

alim-ulbashev@mail.ru

1. Социальные предпосылки для легализации соавторства

Всякий результат интеллектуальной деятельности (далее — РИД) есть порождение творческих усилий его создателей (авторов). Строго говоря, творческий характер и является необходимым условием придания такому результату юридической охраноспособности, признания его объектом гражданских прав¹. Сегодня можно с уверенностью назвать господствующим определением творчества, данное О.С. Иоффе, как «сфер[ы] духовного производства, обладающей качествами интеллектуальной деятельности человека»².

Но несмотря на распространенность и общепотребительный характер термина «творчество», законодатель не конкретизирует его. Поэтому уместно в дополнение к определению О.С. Иоффе привести слова одного из ключевых разработчиков части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации В.А. Дозорцева: «Творчество — это всегда что-то новое, хотя бы оно и базировалось на известном»³. Иными словами, для обращения «известного» во «что-то новое» требуется творческое начало — творчество есть процесс создания нового⁴. Причем носителем подобного начала, «творцом» в юридическом смысле этого слова может быть только человек (физическое лицо).

Однако создание «нового» нередко сопряжено со сложностью реализации задуманного и требует

привлечения навыков и умений сразу нескольких людей или даже целого творческого коллектива. Чаще всего такая потребность испытывается в сфере научно-технического творчества: написание много-томного учебника или разработка новой вакцины зачастую немислимы усилиями лишь одного человека.

Таким образом, на определенном уровне творчества интеллектуальная деятельность перерастает из индивидуальной в коллективную. На этом этапе возникает необходимость в правовой защите и охране авторства нескольких лиц, участвующих в совместном создании РИД.

2. Соавторство как характеристика правового статуса соавторов

Соавторство всегда предполагает консолидацию творческих усилий нескольких лиц. Причем для признания граждан соавторами их творческие усилия должны быть направлены не на редактирование, совершенствование или правку уже готового материала, техническое и научное руководство интеллектуальной деятельностью «основного» автора, а на внесение собственного вклада в процесс создания «нового»: «Работа... редактора, имеющая нередко существенное значение для повышения качества произведения, однако, нового произведения не создает»⁵.

Данные доктринальные подходы неоднократно поддерживались правоприменителем и были в очередной раз подтверждены в п. 83 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: при рассмотрении спора о том, создано ли произведение в соавторстве (ст. 1258 ГК РФ), суду следует устанавливать, принимало ли лицо, претендующее на соавторство, творческое участие в создании произведения, поскольку соавторство на произведение возникает в случае, когда каждый из соавторов по взаимному соглашению (в том числе в устной

¹ Наиболее последовательно этот вопрос разрешается в немецкой доктрине, в которой «является общепризнанным взгляд, что авторско-правовая охрана, в отличие от патентно-правовой охраны промышленных образцов, предоставляется, собственно, не произведению, а творческой деятельности» (Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 75–119, см. подробно: Bettinger T. Der Werkbegriff im spanischen und deutschen Urheberrecht. München : C.H. Beck., 2001. S. 48).

² Иоффе О.С. Основы авторского права. М. : Знание, 1969. С. 6.

³ Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. ст. М. : Статут, 2003. С. 283.

⁴ Здесь и далее под новизной понимается оригинальность произведения (ср.: Щербак Н.В. Авторское право. М. : Юрайт, 2017. С. 31–32).

⁵ Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957 (цит. по: Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. / вступ. ст. А.Л. Маковского. М. : Статут, 2015 (серия «Классика российской цивилистики»). Т. 1. С. 414).

форме) внес в это произведение свой творческий вклад⁶.

В том же разъяснении подчеркивается, что не дает оснований к признанию соавторства оказание автору или соавторам технической и иной помощи, не носящей творческого характера (подбор материалов, вычерчивание схем, диаграмм, графиков, изготовление чертежей, фотографий, макетов и образцов, выполнение расчетов, оформление документации, проведение опытной проверки и т.п.). Соавторами не признаются лица, осуществлявшие лишь руководство деятельностью автора (авторов), но не принимавшие творческого участия в создании результата интеллектуальной деятельности (например, руководители, другие должностные лица).

Юридическую природу соавторства показал И.Э. Мамяфа: «Соавторство имеет место тогда, когда имеется причинная связь между творческим трудом нескольких лиц и общим результатом творчества, образующим неделимый объект авторских прав»⁷. Присоединяясь к в целом верной характеристике соавторства, мы не можем не обратить внимание на заложенный в таком понимании скрытый, не вполне очевидный дефект: законодатель не дает оснований рассматривать соавторство как специфический режим объекта авторских прав.

Как было отмечено, для возникновения соавторства необходимо личное, причем творческое, участие соавторов. Стало быть, соавторство связано с личностью и, как следствие, с правовым статусом соавторов. Ровным счетом поэтому из положений ст. 1258 ГК РФ следует, что соавторство образует гражданско-правовой институт, определяющий права и обязанности соавторов, т.е. лиц, участвовавших в коллективном процессе создания РИД.

3. Осуществление авторских прав соавторами

В современных учебниках по авторскому праву в качестве непреложной истины представлена классификация соавторства на раздельное и нераздельное. В основе такого деления лежит следующая логика: если результат коллективного творчества неделим или, пользуясь словами законодателя, образует неразрывное целое, то речь идет о нераздельном соавторстве (в качестве примеров можно привести романы Ильи Ильфа и Евгения Петрова, карикатуры Кукрыниксов и т.д.); если же результат коллективного творчества распадается на самостоятельные, автономные части (например, главы в кафедральном учебнике и т.д.), то мы имеем дело с раздельным соавторством.

Формальные основания для приведенной классификации были заложены еще в ст. 5 Основ авторского права, утвержденных Постановлением ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г.⁸ Тем не менее теоретические основы подобной дихотомии были сформулированы лишь в 1953 г. в кандидатской диссертации И.А. Грингольца и нашли практически единодушную поддержку в юридической литературе⁹.

Но в чем практическое значение разграничения соавторства на раздельное и нераздельное? Прежде всего, как установлено в абз. 2 п. 2 ст. 1258 ГК РФ, часть произведения, использование которой возможно независимо от других частей, может быть использована ее автором по своему усмотрению, если соглашением между соавторами не предусмотрено иное. Таким образом, самостоятельность частей РИД позволяет их соавторам использовать эти части по своему усмотрению, автономно.

Создание всякого результата интеллектуальной деятельности — сложный и многоэтапный процесс: вначале в голове ученого, художника или писателя возникает субъективная задумка, некая идея, которая со временем рационализируется, объективируется, трансформируется и выражается вовне. Понятно, что значительная часть гражданско-правовых вопросов возникает на заключительных этапах, связанных с опубликованием, практическим применением (внедрением), отчуждением исключительных прав на РИД и т.д. Наличие нескольких правообладателей (соавторов) неминуемо ставит вопрос о разграничении их правомочий на данных этапах.

Общая норма п. 4 ст. 1228 ГК РФ устанавливает, что соавторы осуществляют принадлежащие им права на результаты интеллектуальной деятельности *совместно*.

Однако уже в следующей норме закона (п. 3 ст. 1229 ГК РФ) предусмотрено противоположное правило в отношении обладателей исключительного права, из которого следует, что соавторы, сохраняющие за собой исключительное право, вправе использовать результат интеллектуальной деятельности *по своему усмотрению*.

Противоречие, заложенное в приведенных законоположениях, нивелируется указанием на то, что взаимоотношения лиц, которым исключительное право принадлежит совместно, определяются соглашением между ними (ч. 3 ст. 1229 ГК РФ). Но до настоящего времени практика заключения соглашений между правообладателями не получила широкого распространения.

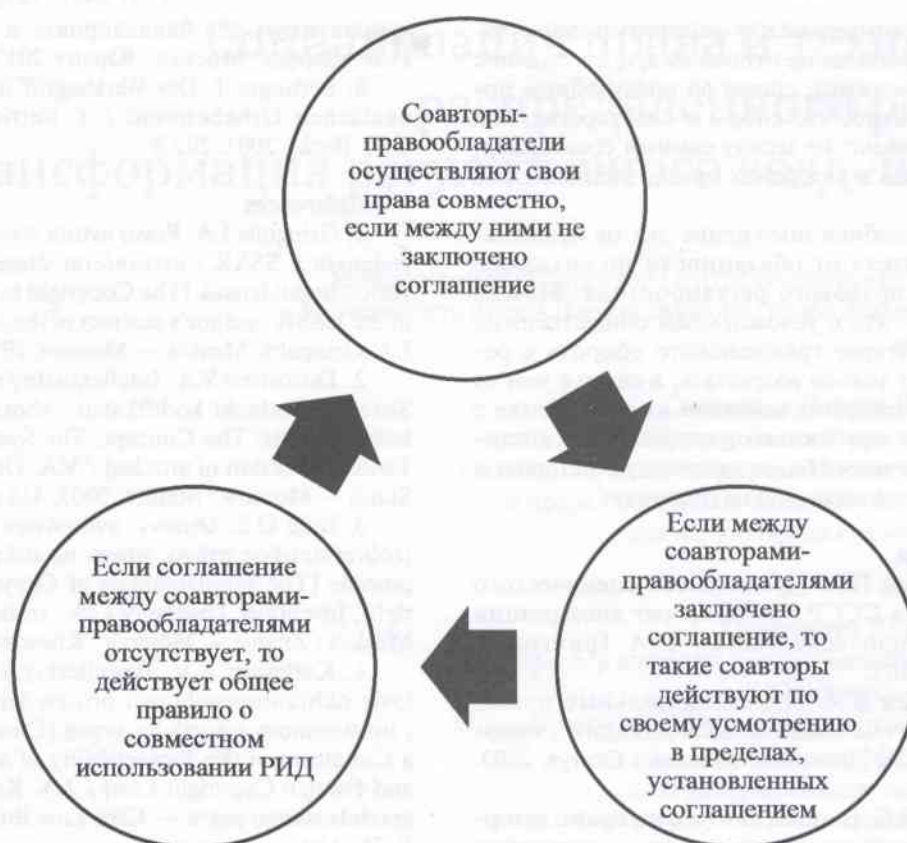
В этой связи в п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 поясняется, что при отсутствии соглашения между правообладателями действуют следующие правила:

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7. Впервые сходные разъяснения были закреплены еще в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18 апреля 1986 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении споров, возникающих из авторских правоотношений» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 3).

⁷ Мамяфа И.Э. Основы изобретательского права. Л.: Лениздат, 1976. С. 70.

⁸ СЗ СССР. 1928. № 27. Ст. 246.

⁹ См. особенно: Гринголец И.А. Право автора сценического произведения в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. С. 11–12.

– каждый из правообладателей может использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации по своему усмотрению;

– распоряжение исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации осуществляется правообладателями совместно;

– доходы от совместного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат или на такое средство распределяются между всеми правообладателями в равных долях, за исключением случая перехода исключительного права к нескольким наследникам, когда такое распределение доходов осуществляется в соответствии с наследственными долями.

Законодательное понимание порядка осуществления прав соавторов можно графически изобразить следующим образом (рис.).

Но приведенный механизм осуществления прав соавторов не является универсальным: для отдельных результатов интеллектуальной деятельности установлены специальные правила. Так, п. 2 ст. 1348 ГК РФ установлено, что каждый из соавторов вправе использовать изобретение, полезную модель или промышленный образец по своему

усмотрению, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Аналогичное указание встречается в п. 2 ст. 1411 ГК РФ и п. 3 ст. 1451 ГК РФ, согласно которым каждый из соавторов вправе использовать соответствующий РИД по своему усмотрению, если соглашением между ними не предусмотрено иное. И только распоряжение правом на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, а также селекционное достижение и топологию интегральной микросхемы осуществляется соавторами совместно.

Эти нормы практически перечеркивают содержание п. 4 ст. 1228 ГК РФ о совместном осуществлении соавторами прав на РИД.

Краткий обзор законодательства о соавторстве выявляет непоследовательность и противоречивость нормативного регулирования, практически не изменившегося с советских времен. Подобное состояние законодательства не способствует развитию института соавторства в нашей стране, не стимулирует создание серьезных творческих коллективов в различных областях науки, литературы и искусства.

4. Заключение

На первый взгляд судебная практика по делам о соавторстве немногочисленна. Действительно,

в большинстве случаев между соавторами существуют лично-доверительные отношения, позволяющие разрешить возможные споры во внесудебном порядке. Любопытно, что споры о соавторстве, как правило, возникают не между самими соавторами, а при появлении в авторских правоотношениях их наследников¹⁰.

Однако подобное положение дел не освобождает законодателя от обязанности по созданию надлежащего правового регулирования. Можно предположить, что с усложнением общественных отношений интерес гражданского оборота к соавторству будет только возрастать, в связи с чем от правопорядка требуется действие на опережение с опорой на опыт зарубежных стран, в которых институт соавторства имеет более длительную историю и успел зарекомендовать себя на практике.

Литература

1. Грингольц И.А. Право автора сценического произведения в СССР : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.А. Грингольц. Москва, 1953. 20 с.

2. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / В.А. Дозорцев. Москва : Статут, 2003. 416 с.

3. Иоффе О.С. Основы авторского права: авторское, изобретательское право, право на открытие : учебное пособие / О.С. Иоффе. Москва : Знание, 1969. 127 с.

4. Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве / А.В. Кашанин // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 75–119.

5. Мамяева И.Э. Основы изобретательского права / И.Э. Мамяева. Ленинград : Лениздат, 1976. 128 с.

6. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 томах / Е.А. Флейшиц. Т. 1 / ответственный редактор тома, вступительная статья, составитель А.Л. Маковский. Москва : Статут, 2015. 512 с.

7. Щербак Н.В. Авторское право : учебник

и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н.В. Щербак. Москва : Юрайт, 2017. 182 с.

8. Bettinger T. Der Werkbegriff im spanischen und deutschen Urheberrecht / T. Bettinger. München : C.H. Beck., 2001. 202 S.

References

1. Gringolts I.A. Pravo avtora stsenicheskogo proizvedeniya v SSSR : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Copyright to a Theatrical Work in the USSR : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / I.A. Gringolts. Moskva — Moscow, 1953. 20 s.

2. Dozortsev V.A. Intellektualny'e prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii : sbornik statey [Intellectual Rights: The Concept. The System. Codification Tasks : collection of articles] / V.A. Dozortsev. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2003. 416 s.

3. Ioffe O.S. Osnovy' avtorskogo prava: avtorskoe, izobretatelskoe pravo, pravo na otkry'tie : uchebnoe posobie [The Fundamentals of Copyright Law: Copyright, Invention, Discovery Law : textbook] / O.S. Ioffe. Moskva : Znanie — Moscow : Knowledge, 1969. 127 s.

4. Kshanin A.V. Tvorcheskiy kharakter kak uslovie okhranosposobnosti proizvedeniya v rossiyskom i inostrannom avtorskom prave [Creative Character as a Condition of the Protectability of a Work in Russian and Foreign Copyright Law] / A.V. Kshanin // Vestnik grazhdanskogo prava — Civil Law Bulletin. 2007. № 2. S. 75–119.

5. Mamiofa I.E. Osnovy' izobretatelskogo prava [The Fundamentals of Invention Law] / I.E. Mamiofa. Leningrad : Lenizdat — Leningrad : Leningrad Publishing House, 1976. 128 s.

6. Fleyshits E.A. Izbranny'e trudy' po grazhdanskomu pravu. V 2 tomakh [Selected Works on Civil Law. In 2 volumes] / E.A. Fleyshits. T. 1 / otvetstvenny'y redaktor toma, vstupitelnaya statya, sostavitel A.L. Makovskiy — Vol. 1 / publishing editor of the volume, introductory article, compiler A.L. Makovskiy. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2015. 512 s.

7. Scherbak N.V. Avtorskoe pravo : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury' [Copyright : extbook and workbook for bachelors and masters] / N.V. Scherbak. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2017. 182 s.

8. Bettinger T. Der Werkbegriff im spanischen und deutschen Urheberrecht / T. Bettinger. München : C.H. Beck, 2001. 202 S.

¹⁰ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 июля 2014 г. № С01-530/2014 по делу № А40-49018/2011. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31607744

Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

Социализация права и технология распределенного реестра: трансформация регулятивного воздействия*

Видра Дорис,

исполнительный директор Центра европейских исследований
Университета имени Париса Лодрона (город Зальцбург, Австрия)

avtor@lawinfo.ru

Санникова Лариса Владимировна,

профессор Российской академии наук,
главный научный сотрудник Института государства
и права Российской академии наук (ИГП РАН),
доктор юридических наук, профессор

7718609@mail.ru

Харитоновна Юлия Сергеевна,

профессор кафедры предпринимательского права
Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

sovet2009@rambler.ru

В настоящее время происходит трансформация права как регулятора отношений. В мире набирает силу идея об усилении регулятивной роли технологий в сфере упорядочивания общественных отношений. Причем речь идет не о процедурных моментах или особенностях электронного взаимодействия посредством распространенных механизмов, а о возникновении таких регуляторов, которые могут отчасти отменить необходимость создания прямых норм закона. Ярче всего эта тенденция проявляется в сфере регулирования частноправовых отношений.

Все большее распространение получает мнение, что технологии могут обеспечить доверие и прозрачность бизнеса. Особенно в тех случаях, когда предприниматель не только взаимодействует с равными партнерами или потребителем как слабой стороной, но и получает поддержку от государства. Нормы закона и алгоритм спорят о приоритетности в решении вопросов регулирования предпринимательской деятельности.

При этом если ранее во главу угла при разработке норм предпринимательского права ставилась свобода участников правоотношений и их инициатива, то в последние десятилетия в результате изменений в социальной сфере и в экономической структуре общества государство постепенно вошло в гражданский оборот в новом качестве: вмешалось в инициатив-

ные, частноправовые по своей природе отношения, в ситуациях, которые ранее рассматривались только как вопрос частных субъектов гражданского оборота.

В мире созрела идея о том, что принудительная сила правового регулирования в ситуации с блокчейном ставится под большой вопрос, а если правопорядок не может обеспечить принудительной силой свое правовое регулирование, то могут возникнуть вопросы с существованием такого правопорядка¹.

Полагаем, мы имеем дело с двумя тенденциями регулирования общественных отношений, имеющими сопоставленное действие.

Социализация права в современной регулятивной парадигме

Устойчивой тенденцией развития права сегодня стала его социализация². Все чаще появляются концепции и нормы, обосновывающие необходимость закрепления принципов социальной справедливости в праве³. С.А. Иванова определила данный принцип

¹ Нам К.В. Правовые проблемы, связанные с применением блокчейна // Судья. 2019. № 2. С. 24–27.

² Boyd J.H. Socialization of the Law // American Journal of Sociology. Vol. 22, No. 6 (May, 1917), pp. 822–837.

³ Katzarov K. (1964) The Socialisation of Law // The Theory of Nationalisation. Springer, Dordrecht. DOI:10.1007/978-94-015-1055-4_6

* Статья подготовлена по гранту РФФИ № 18-29-16145 мк «Механизм правового регулирования отношений с использованием технологии распределенных реестров».

как общий принцип права, который растворяется в массиве отраслевого законодательства⁴.

Подобные изменения в правовом регулировании привели к усилению конвергенции норм частноправового и публичного характера в национальном и международном законодательстве⁵. Речь идет о том, что в частном праве на смену рассмотрению принципа свободы и равенства участников гражданского оборота приходят концепции свободы деятельности субъектов права в целях решения актуальных задач поддержания развития общества, укрепления социальной функции права собственности⁶, защиты прав слабой стороны, решения с помощью правовых инструментов общих социальных задач, стоящих перед обществом.

На доктринальном уровне на социализацию экономики и права как тенденцию их развития неоднократно обращалось внимание⁷. При этом дискуссия часто идет вокруг правового обеспечения и защиты социализации предпринимательской или приносящей доходы деятельности. Так, Ю.Г. Лескова, исследуя взаимосвязь предпринимательских и потребительских отношений, ставит вопрос о развитии социальных компонентов в бизнесе и предлагает сформировать особые механизмы деятельности предпринимателей вроде семейного предпринимательства⁸.

По мнению А.В. Баркова, социализация частного права проявляется в том, что «государство все больше поддерживает так называемое социальное предпринимательство: деятельность, при которой малое или среднее предприятие обеспечивает занятость социально уязвимых категорий граждан, способствует реализации производимой ими продукции, само производит товары для социально уязвимых групп или осуществляет деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей, способствующих решению социальных проблем граждан и общества в целом»⁹. В приведенной позиции ученых

акцент сделан на том, что прежде всего частное право обязано реагировать на меняющиеся экономические отношения, делая ставку на поддержку социально наименее защищенных слоев общества.

Данная проблема, по существу, является интернациональной. За рубежом также большое внимание уделяется влиянию социальных преобразований последних десятилетий на право, в особенности тех из них, которые произошли в отношениях между государством и гражданами в сфере усиления участия государства в экономической жизни¹⁰.

Реализация социальных функций государства через институт социального предпринимательства

Одним из ярких проявлений социализации права является расширение числа случаев легального закрепления понятия социального предпринимательства в странах, ориентированных на формирование так называемой социальной и солидарной экономики: Испании (2011 г.), Эквадоре (2011 г.), Греции (2011 г.), Словении (2011 г.), Мексике (2012 г.), Португалии (2013 г.), Франции (2014 г.), получивших в специальной литературе общее название «Законы об SSE»¹¹.

Государства поддерживают те компании, которые принимают на себя решение важных общественных задач, тем самым выполняя функции публично-правового образования. Подразумевается, что бизнес берет на себя выполнение социальной функции государства в виде реализации механизма социальных взаимодействий для достижения определенной цели или реализации определенных ценностей¹². Тем самым осуществление предпринимателем деятельности по разработке, финансированию и реализации решений социальных, культурных или экологических проблем получает не только одобрение общества, но и поддержку государства, функции которого в самом широком смысле определяются и как «направления деятельности, в которых выражается сущность и социальное назначение... на определенном этапе исторического развития»¹³.

Таким образом, разрешения социальных противоречий в жизни общества можно добиться путем создания и развития института социального предпринимательства, который позволяет реализовать принципы социальной справедливости в социальном государстве.

Сегодня во многих странах создаются правовые предпосылки для деятельности социально ответственных корпоративных организаций, стремящихся обеспечить конкурентные преимущества не за счет ценовых показателей, а путем долгосрочного инве-

⁴ Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006. С. 4–10.

⁵ Защита гражданских и семейных прав: конвергенция частного и публичного права : монография / под ред. Л.В. Санниковой. М., 2019. 218 с.

⁶ Соловьев В.Н. Социальная функция гражданско-правового регулирования отношений собственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 52 с.

⁷ Вайпан В.А. Теория справедливости: Право и экономика : монография. М. : Юстицинформ, 2017. 280 с. ; Барков А.В. Проблемы социализации частного права и законодательства // Концепция частного и публичного права России: Азбука частного права : монография / под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. М., 2014. С. 91–115 ; Беликова К.М. Договорное право стран БРИКС: опыт Бразилии в свете новой парадигмы построения частноправового регулирования // Вопросы российского международного права. 2012. № 9–10. С. 58–85 ; Матвеев М.М. Вопросы экономической сущности социализации рыночной экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2011. № 8. С. 21–25.

⁸ Лескова Ю.Г. Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства // Юрист. 2013. № 11. С. 13–17.

⁹ Правовое обеспечение социального предпринимательства : учеб. пособие для магистрантов / А.В. Барков, Я.С. Гришина, О.А. Золотова, Ю.Г. Лескова [и др.] ; под ред. С.Ю. Морозова. Ульяновск : Издательство Ульяновского государственного университета, 2019.

¹⁰ См., например: Cheung A.Y. Private Law for Public Ends. 2019, September 9. URL: <https://doi.org/10.31228/osf.io/mb2h6>; https://www.researchgate.net/publication/335708479_Private_Law_for_Public_Ends/related; Meinel F. The lawyer in industrial society. Ernst Forsthoef and his time. Berlin : Akademie Verlag, 2011.

¹¹ Peels R. Legal Frameworks on Social and Solidarity Economy: What is the Role of Civil Society Organizations in Policy Making? URL: <http://www.unrisd.org/thinkpiece-peels> (дата обращения: 21.05.2020).

¹² Радлов Э.Л. Философский словарь. СПб. : Тип. акц. общ. Брокгауз — Ефрон, 1911. С. 263.

¹³ Власова Т.В., Дуэль В.М., Занина М.А. Теория государства и права. М. : Российская академия правосудия, 2011. С. 226.

стирования в человеческий капитал, в последующем реинвестирующей прибыль в решение данных проблем. Как подчеркивают исследователи, «в условиях борьбы с кризисом успешность социального предпринимательства, оказывающего заметное оздоравливающее влияние на экономические и социальные процессы и ее массовый характер, обусловило оформление данного явления в качестве продолжения государственной социальной политики, опирающейся на полноценную законодательную основу»¹⁴.

В России социальное предпринимательство сегодня также является одним из активно развивающихся направлений правового регулирования хозяйственной деятельности. Вступил в силу закон¹⁵, согласно которому вводятся понятие социального предприятия и правила поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в сфере социального предпринимательства.

В связи с произведенными изменениями в Законе о поддержке малого и среднего предпринимательства¹⁶ появилась ст. 24.1, содержащая легальное определение социального предпринимательства как предпринимательской деятельности, которая направлена на достижение общественно полезных целей, способствует разрешению социальных проблем граждан и общества и осуществляется в соответствии с условиями, предусмотренными законом. Также в рассматриваемом нормативном акте закреплена зависимость выделения поддержки тем социальным предприятиям, которые имеют определенную долю дохода от видов деятельности, имеющих социальную направленность, с учетом объема расходов на оплату труда перечисленных в законе групп социально незащищенных граждан.

Акцентируя внимание на конвергенции норм частного и публичного права в рассматриваемом случае, О.А. Серова отмечает: «...данное явление не может быть встроено в существующую парадигму отношений, закреплённую ГК РФ, в том числе и в действующую систему юридических лиц. В зависимости от выбранного направления деятельности организации, ее доходности признаваться субъектами социального предпринимательства будут и коммерческие, и некоммерческие организации, корпоративные и унитарные, государственные и частные»¹⁷. Г.А. Писарев задается вопросом: «...следует ли названную предпринимательскую деятельность рассматривать как отдельный вид или способ ее осуществления,

требуется ли вносить изменения в гражданское законодательство, или достаточным будет для участия субъектов указанной деятельности в гражданском обороте традиционное понимание предпринимательской деятельности и распространение на них норм ГК РФ, определяющих их правовой статус с точки зрения их принадлежности к коммерческому или некоммерческому сектору?»¹⁸

Как представляется, в данном случае в первую очередь необходимо сосредоточиться не столько на возможности встраивания правил о социальном предпринимательстве в систему норм гражданского законодательства как такового, а скорее на особенностях правового регулирования именно предпринимательской деятельности на определенных условиях.

Регулирование социального предпринимательства в контексте социализации права

Полагаем, стоит посмотреть на выработку правил об особенностях предпринимательской деятельности, решающей социальные задачи, с позиции концепции социализации права в целом.

В этом ключе социальное предпринимательство можно рассматривать как специальный правовой режим осуществления деятельности, хотя и направленной на получение прибыли, но имеющей и иную важную характеристику — социальный характер.

Следует отметить, что в трудах ученых, разрабатывавших теорию социальной экономики, социализация представляется как синоним отрицания прибыли в качестве главной цели деятельности¹⁹. Однако представляется, что нацеленность на получение прибыли не исключает социального характера деятельности и возможности получения государственной поддержки предпринимателями или некоммерческими организациями.

Н.Ф. Кадол, классифицируя действия в социальном предпринимательстве, выделяет так называемое интегрируемое социальное предпринимательство, целью которого является создание социальной прибыли и результатов, существующее наравне с использованием возможностей некоммерческих организаций для повышения дохода, сокращения их затрат организации и диверсификации источников дохода («реинтерпретация») и бесприбыльностью предпринимательской деятельности организации («взаимодействующее социальное предпринимательство»)²⁰.

Согласно российскому законодательству предусмотрены правила контроля за деятельностью лиц,

¹⁴ Правовое обеспечение социального предпринимательства : учеб. пособие для магистрантов / А.В. Барков, Я.С. Гришина, О.А. Золотова, Ю.Г. Лескова [и др.] ; под ред. С.Ю. Морозова. Ульяновск : Издательство Ульяновского государственного университета, 2019. С. 7–8.

¹⁵ Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятий “социальное предпринимательство”, “социальное предприятие” // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Серова О.А. Социальное предпринимательство: выбор организационно-правовой формы // Гражданское право. 2019. № 2. С. 13.

¹⁸ Писарев Г.А. Социальное предпринимательство: новое законодательство РФ и вопрос об изменении ГК РФ // Гражданское право. 2019. № 6. С. 33.

¹⁹ Negü A. Social economy, social capital and local development // Calitatea Vietii 2013(2): 195–212. URL: https://www.researchgate.net/publication/288452624_Social_economy_social_capital_and_local_development ; Löhnig M. The “Social Function of Property” in German Law // Babie P., Viven-Wilksch J. (eds) Léon Duguit and the Social Obligation Norm of Property. Springer, Singapore, 2019 ; Nishikawa J. The Theoretical Framework Of Social Economy / Economie Sociale // Waseda Economic Papers. 1996. 35. P. 53–63. URL: <http://hdl.handle.net/2065/6138/> https://waseda.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=6642&item_no=1&page_id=13&block_id=21

²⁰ Кадол Н.Ф. Социальное предпринимательство в рыночной и переходной экономике : дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. С. 8.

получающих поддержку государства в качестве социальных предприятий, в том числе создание специального реестра таких компаний.

Юридическое лицо или индивидуальный предприниматель является социальным предприятием, включается в единый реестр социальных предприятий, если он обеспечивает занятость определенных категорий граждан, реализацию производимых социально уязвимыми категориями граждан товаров (работ, услуг), осуществляет деятельность, направленную на производство товаров (работ, услуг), ориентированных на социально уязвимые категории граждан, и их доступность для них в целях преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества или иную деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей и способствующую решению социальных проблем общества.

В то же время представляется целесообразным не только решать вопросы поддержки социальных предприятий, но и контроля за их добросовестным осуществлением своей деятельности. Социальное предпринимательство как бизнес-модель для инвестиций в социальные сферы в целях социально-экономического развития обездоленных сообществ требует обеспечения доверия, прозрачности и возможность аудита²¹. Признание предприятия социальным в законе поставлено в зависимость от соблюдения значительного количества условий.

С помощью норм права необходимо установить минимальные ограничения для достижения положительного результата всего института социального предпринимательства. Исходя из приоритета и глубинной сущности принципа свободы экономической деятельности, Е.П. Губин подчеркивает, что предназначение государства и права «заключается не в ограничении свободы, а в создании условий, способствующих ее реализации, что в сфере экономики означает создание условий для эффективного функционирования рыночной экономики»²². То есть в предпринимательском праве установление подобных правил рассматривается как меры по обеспечению эффективности применяемых бизнес-моделей.

Социальные проекты на блокчейне: регуляторы и пробелы права

На пути к социализации предпринимательства сегодня стоят задачи обеспечения надлежащего уровня доверия к существующим механизмам ведения бизнеса.

Чтобы стимулировать социальную активность компаний, сделать ее массовым явлением, большими перспективами обладает технология распределенного реестра блокчейн, которая уже сегодня меняет образ жизни отдельных людей, общества и государства.

²¹ Raghava Rao Mukkamala, Ravi K. Vatrappu, Pradeep Ray, Sankar Halder Blockchain for Social Business: Principles and Applications // IEEE Engineering Management Review (Volume: 46, Issue: 4, Fourthquarter, Dec. 2018. P. 94–99. DOI: 10.1109/EMR.2018.2881149

²² Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 445.

Технология блокчейн признается сегодня прорывной технологией, использование которой может оказать существенное влияние на развитие общества. Технические характеристики блокчейна обеспечивают ключевые преимущества данной технологии, которые обуславливают ее востребованность: 1) децентрализация управления; 2) прозрачность и отслеживаемость транзакций; 3) неизменяемость хранящихся в блокчейне данных; 4) устранение посредников.

Интерес представляет опыт европейских коллег, которым также приходится решать вопросы социализации права. Так, в рамках Европейского союза был выявлен ряд возможностей для использования технологий распределенных реестров, в том числе блокчейн для различных сфер — от государственных услуг до смарт-контрактов и систем сертификации предпринимательской деятельности.

Практика показала, что блокчейн применим как для решения задач государственного управления, так и для осуществления бизнеса, в том числе с привлечением механизмов краудфандинга и краудинвестинга. При этом мы обратили внимание, что блокчейн успешно может быть применен для решения социальных задач, которые могут решаться как государственными и некоммерческими структурами, так и бизнесом. Речь идет о том, что социальные проекты могут быть обеспечены частным социально ориентированным бизнесом на блокчейн-платформах. Существуют различные примеры успешных проектов, которые участвуют в решении социальных задач государства. Остановимся на некоторых из них.

- Blockcerts (www.blockcerts.org) — это открытый стандарт для создания, выдачи, просмотра и проверки блокчейн-сертификатов. Эти цифровые записи зарегистрированы на блокчейне, криптографически подписаны, защищены от несанкционированного доступа и доступны для совместного использования. Цель проекта состоит в том, чтобы создать волну инноваций, которая даст людям возможность владеть и делиться своими собственными официальными записями. В феврале 2019 г. Мальта ввела Blockcerts как платформу для выдачи дипломов о высшем образовании. Это позволяет работодателям проверять квалификацию и полномочия любого работника путем обращения к базе данных на блокчейне.

- Chromaway (<https://chromaway.com/landregistry/>) — проект учета сделок с недвижимостью в Швеции: уже в 2016 г. шведский картографический, кадастровый и земельный регистрационный орган инициировал создание проекта в сфере недвижимости Reals на блокчейне с целью повышения прозрачности совершения сделок в данной сфере. Проект объединяет в себе самоисполняемые смарт-контракты и обеспечивает автоматическую обработку транзакций участниками блокчейн-сети²³.

- Проект Infrachain (<https://infrachain.com>) Люксембургской некоммерческой организации, поддерживаемой правительством Люксембурга, стремится стать европейской некоммерческой организацией,

²³ Allesie, David et al. 2019. Blockchain for Digital Government: An Assessment of Pioneering Implementations in Public Services http://publications.europa.eu/publication/manifestation_identifier/PUB_KJNA29677ENN (December 22, 2019).

создающей систему оперативного управления на высшем уровне, позволяющую приложениям Blockchain адаптироваться и работать в существующей национальной нормативной среде любых государств. Проект предоставляет услуги по всем аспектам экономики (финтех, здравоохранение, государственные услуги, управление цепочками поставок и т.д.).

- Голландская блокчейн-коалиция (<https://dutchblockchaincoalitions.org>) нацелена на создание системы пенсионного администрирования для всех партнеров экосистемы на основе блокчейна с целью повышения эффективности отдельных процессов пенсионного администрирования.

- Bloodchain (<https://blodon.com>) является проектом, начатым для решения проблем текущего и будущего дефицита донорской крови и обеспечения доступности крови для всех. Это позволяет людям безопасно регистрировать группы крови в распределенном банке донорской крови, который может управлять спросом и предложением. Как утверждают разработчики проекта, автономный флот беспилотников можно было бы отправлять в дома людей, чтобы дистанционно собирать кровь.

- Еще один исследовательский проект, ориентированный на здоровье, — Care AI. Это сервис, предоставляющий доступ к базовым медицинским услугам в обмен на анонимизированные персональные медицинские данные. Он делает медицинскую информацию доступной для государственных и частных сторонних организаций на рынках данных, которые автоматически запускаются через смарт-контракты.

- Stadspas (<https://stadspas.nl>) является интеллектуальной системой ваучеров в Гронингене (Нидерланды), которая управляет перераспределением льгот для малоимущих. Например, жители муниципалитета Гронинген с низким доходом получают скидку на развлекательные мероприятия и продукты вместе с удостоверением Cityspas, и организаторы проекта объясняют, как это работает.

Названные проекты могут быть как коммерческими, так и некоммерческими. Как отмечают исследователи Центра социальных инноваций Stanford Graduate School of Business, в некоторых секторах социального предпринимательства, которые задействуют блокчейн-технологии, наблюдается больше коммерческой активности, чем в других. В целом 61% из перечисленных инициатив являются коммерческими. Наибольшую коммерческую ценность имеют проекты в сфере энергетики (94%), здоровья (87%) и финансовых услуг (78%)²⁴. Однако в большинстве случаев этим социальным предприятиям необходимы донорский фонд и спонсорство, чтобы достичь своих целей и оказать положительное влияние на общество²⁵. В то же время все они могут быть отнесены к социальным предпринимателям, чья деятельность вызывает доверие инвесторов и партнеров.

Сегодня и европейскому, и российскому юристу очевидно, что блокчейн открывает новые возмож-

ности для повышения прозрачности деятельности любого рода и позволяет эффективно сотрудничать участникам общественных отношений в «недоверенной» среде, поскольку взаимодействующим лицам не нужно знать или доверять друг другу²⁶. В этом заключается трансформирующий эффект применения блокчейн-технологий — они обеспечивают значительные дополнительные преимущества для решения социально значимых проблем в условиях повышенной безопасности и эффективности социального взаимодействия²⁷.

Следует отметить, что обзоры литературы по бизнес-приложениям на основе блокчейна подтверждают выводы как о технических возможностях, предоставляемых блокчейном, так и о проблемах, связанных с организационным внедрением и использованием технологии распределенного реестра²⁸.

При этом, с одной стороны, субъекты отношений, нуждающиеся в социальной поддержке, самоорганизуются для ведения деятельности в рамках социального предпринимательства на технологической основе. С другой стороны, государство получает прозрачность и механизмы для эффективного аудита деятельности компаний, получающих бюджетную поддержку. Здесь нужно подчеркнуть, что доверие рассматривается многими как непременная характеристика блокчейна революционной технологии. И доверие в том числе вызывается прозрачностью алгоритмов и сетей, в рамках которых реализуются проекты социального предпринимательства.

Исследователи полагают, что, вместо того чтобы утверждать, что «прозрачность создает доверие», следует сказать, что «прозрачность разрушает доверие». Спрос на прозрачность становится выше именно тогда, когда доверие больше не преобладает. В обществе, основанном на доверии, нет назойливого требования прозрачности. Общество прозрачности — это общество недоверия и подозрительности²⁹. В этом контексте сформировано представление о так называемом постдоверии как продукте, связанном конкретно с блокчейном. Содействие прозрачности имеет преобладающее значение не столько в отношении доверия, как некоторые полагают и утверждают, а в отношении возможностей контроля. Таким образом, контроль, и в частности формы социального контроля, строится не вокруг, а внутри блокчейн-проекта. Идея аудита стала существенным условием для того, чтобы говорить о постепенной реализации регулятивной программы³⁰.

²⁶ Hughes, Kobina. 2017. Blockchain, The Greater Good, and Human and Civil Rights. *Metaphilosophy* 48(5): 654–65.

²⁷ Allesie, David et al. Op. cit.

²⁸ Konstantinidis I., Siaminos G., Timplalexis C., Zervas P., Peristeras V., and Decker S. “Blockchain for business applications: A systematic literature review”, in *Business Information Systems*, W. Abramowicz and A. Paschke, Eds. Cham: Springer International Publishing, 2018. Pp. 384–399.

²⁹ Han B.-C. *The Transparency Society*. Stanford University Press, 2015. 71 p. (pp. 47–48).

³⁰ Yeoh P. Regulatory issues in blockchain technology // *Journal of Financial Regulation and Compliance* 25(2): 196–208 / May 2017. DOI: 10.1108/JFRC-08-2016-0068.

²⁴ Galen D.J., Brand N., Boucherle L., Davis R., Do N., El-Baz B., Kimura I., Wharton K., Lee J. *Blockchain for Social Impact*. Center for Social Innovation, RippleWorks. April 11, 2018.

²⁵ URL: <https://www.grassrootseconomics.org/single-post/2018/12/02/Social-Entrepreneurship-through-Blockchain-Technology>

Выводы

Проведенный анализ работающих европейских блокчейн-проектов показывает, что эффективность применения блокчейн-технологий может помочь в решении социальных задач государства. При этом решение таких задач осуществляется в подавляющем большинстве случаев не государством непосредственно, а некоммерческими либо частными компаниями, разрабатывающими на блокчейн-платформах собственные правила и нормы поведения в сети при реализации социальных функций государства. В то же время блокчейн-проекты в сфере социального предпринимательства дают наглядный пример того, как сочетаются регуляторные возможности нормативного и технологического регулирования. Власти многих государств поддерживают социальное предпринимательство в блокчейн-пространстве. Регуляторы помогают бизнесу в решении любых вопросов, связанных с налогообложением операций с цифровыми активами, получением доступа к данным, необходимым для ведения предпринимательской деятельности, и т.д., а также налаживают сотрудничество в рассматриваемых целях путем создания экономически безопасных регуляторных зон («песочниц») для правовых экспериментов с проектами социальной направленности.

В этом аспекте целью юристов должно стать создание комфортных правовых условий для реализации этих проектов. Один из обозначенных игроков рынка помогает найти выходы из правовых лабиринтов для внедрения блокчейн-технологий в практику. Однако с точки зрения законодательства следует двигаться навстречу таким проектам и вырабатывать правила, упрощающие реализацию социальных и иных проектов на блокчейне. От того, насколько та или иная юрисдикция поддерживает начинания в том или ином направлении, зависит и расширение возможностей социально ориентированных организаций в сфере принятия на себя отчасти государственных функций и выполнения важнейших общественных задач.

Литература

1. Барков А.В. Проблемы социализации частного права и законодательства / А.В. Барков // Концепция частного и публичного права России: Азбука частного права : монография / под редакцией В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2015. 327 с.
2. Беликова К.М. Договорное право стран БРИКС: опыт Бразилии в свете новой парадигмы построения частнопубличного регулирования / К.М. Беликова // Вопросы российского международного права. 2012. № 9–10. С. 58–85.
3. Защита гражданских и семейных прав: конвергенция частного и публичного права : монография / под редакцией Л.В. Санниковой. Москва : Проспект, 2019. 218 с.
4. Кадол Н.Ф. Социальное предпринимательство в рыночной и переходной экономике : диссертация кандидата экономических наук / Н.Ф. Кадол. Москва, 2009. 184 с.
5. Лескова Ю.Г. Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социаль-

ного предпринимательства / Ю.Г. Лескова // Юрист. 2013. № 11. С. 13–17.

6. Матвеев М.М. Вопросы экономической сущности социализации рыночной экономики / М.М. Матвеев // Экономика, предпринимательство и право. 2011. № 8. С. 21–25.

7. Писарев Г.А. Социальное предпринимательство: новое законодательство РФ и вопрос об изменении ГК РФ / Г.А. Писарев // Гражданское право. 2019. № 6. С. 33–36.

8. Правовое обеспечение социального предпринимательства : учебное пособие для магистрантов / А.В. Барков, Я.С. Гришина, О.А. Золотова, Ю.Г. Лескова [и др.] ; под редакцией С.Ю. Морозова. Ульяновск : Изд-во Ульяновского государственного университета, 2019. 224 с.

9. Серова О.А. Социальное предпринимательство: выбор организационно-правовой формы / О.А. Серова // Гражданское право. 2019. № 2. С. 11–15.

10. Соловьев В.Н. Социальная функция гражданско-правового регулирования отношений собственности : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.Н. Соловьев. Москва, 2013. 52 с.

11. Blockchain for Digital Government: An Assessment of Pioneering Implementations in Public Services / L. Vaccari, F. Pignatelli, D. Allesie, M. Sobolewski. Publications Office of the European Union, 2019. URL: http://publications.europa.eu/publication/manifestation_identifier/PUB_KJNA29677ENN

12. Cheung A.Y. Private Law for Public Ends / A.Y. Cheung. URL: <https://doi.org/10.31228/osf.io/mb2h6>

13. Cheung A.Y. Private Law for Public Ends / A.Y. Cheung. URL: https://www.researchgate.net/publication/335708479_Private_Law_for_Public_Ends/related

14. Dees J.G. The meaning of social entrepreneurship / J.G. Dees. Working paper, Stanford University, Stanford, CA, 2001. URL: http://www.caseatduke.org/documents/dees_sedef.pdf

15. Han B.-C. The Transparency Society / B.-C. Han. Stanford University Press, 2015. 71 p.

16. Hughes K. Blockchain, The Greater Good, and Human and Civil Rights / K. Hughes // Metaphilosophy. 2017. Vol. 48 (5). P. 654–65.

17. Konstantinidis I. Blockchain for business applications: A systematic literature review / I. Konstantinidis, G. Siaminos, C. Timplalexis [et al.] // Business Information Systems: 21st International Conference, BIS (2018, Berlin, Germany, July 18–20, 2018) Proceedings / W. Abramowicz and A. Paschke, Eds. Cham : Springer International Publishing, 2018. P. 384–399.

18. Löhnig M. The “Social Function of Property” in German Law / M. Löhnig // Léon Duguit and the Social Obligation Norm of Property / P. Babie, J. Viven-Wilksch (eds). Springer, Singapore. 2019. P. 111–121.

19. Meinel F. The lawyer in industrial society. Ernst Forsthoef and his time / F. Meinel. Berlin : Akademie Verlag, 2011.

20. Mukkamala R.R. Blockchain for Social Business: Principles and Applications / R.R. Mukkamala, R.K. Vatrappu, P. Ray, S. Halder // IEEE Engineering Management Review. 2018. Vol. 46. Iss. 4. P. 94–99. DOI: 10.1109/EMR.2018.2881149.

21. Negü A. Social economy, social capital and local development / A. Negü // *Calitatea Vietii*. 2013. Vol. 2. P. 195–212.

22. Nishikawa J. The Theoretical Framework Of Social Economy / *Economie Sociale* / J. Nishikawa // *Waseda Economic Papers*. 1996. Vol. 35. P. 53–63.

23. Yeoh P. Regulatory issues in blockchain technology / P. Yeoh // *Journal of Financial Regulation and Compliance*. 217. Vol. 25 (2). P. 196–208. DOI: 10.1108/JFRC-08-2016-0068.

References

1. Barkov A.V. Problemy` sotsializatsii chastnogo prava i zakonodatelstva [Issues of the Socialization of Private Law and Legislation] / A.V. Barkov // *Kontsepsiya chastnogo i publichnogo prava Rossii: Azbuka chastnogo prava : monografiya / pod redaktsiyey V.I. Ivanova, Yu.S. Kharitonovoy — Concept of Russian Private and Public Law: An ABC Book of Private Law : monograph / edited by V.I. Ivanov, Yu.S. Kharitonova*. Moskva : YUNITI : Zakon i pravo — Moscow : UNITI : Act and Law, 2015. 327 s.

2. Belikova K.M. Dogovornoe pravo stran BRIKS: opyt` Brazili v svete novoy paradigmy` postroeniya chastnopravovogo regulirovaniya [Contractual Law of the BRICS Member States: The Brazilian Experience in View of a New Paradigm of Building Private Law Regulation] / K.M. Belikova // *Voprosy` rossiyskogo mezhdunarodnogo prava — Russian International Law Issues*. 2012. № 9–10. S. 58–85.

3. Zashchita grazhdanskikh i semeyny`kh prav: konvergentsiya chastnogo i publichnogo prava : monografiya [The Protection of Civil and Family Rights: The Convergence of Private and Public Law : monograph] / pod redaktsiyey L.V. Sannikovoy — edited by L.V. Sannikova. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2019. 218 s.

4. Kadol N.F. Sotsialnoe predprinimatelstvo v ry`nochnoy i perekhodnoy ekonomike : dissertatsiya kandidata ekonomicheskikh nauk [Social Entrepreneurship in the Market and Transition Economy : thesis of PhD in Economics] / N.F. Kadol. Moskva — Moscow, 2009. 184 s.

5. Leskova Yu.G. Samoreguliruemaya organizatsiya kak pravovaya model vnedreniya i razvitiya sotsialnogo predprinimatelstva [A Self-Regulated Organization as a Legal Model of the Introduction and Development of Social Entrepreneurship] / Yu.G. Leskova // *Yurist — Lawyer*. 2013. № 11. S. 13–17.

6. Matveev M.M. Voprosy` ekonomicheskoy suschnosti sotsializatsii ry`nochnoy ekonomiki [Issues of the Economic Essence of the Socialization of the Market Economy] / M.M. Matveev // *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo — Economy, Entrepreneurship and Law*. 2011. № 8. S. 21–25.

7. Pisarev G.A. Sotsialnoe predprinimatelstvo: novoe zakonodatelstvo RF i vopros ob izmenenii GK RF [Social Entrepreneurship: New Laws of the Russian Federation and the Issue of the Amendment of the Civil Code of the Russian Federation] / G.A. Pisarev // *Grazhdanskoe pravo — Civil Law*. 2019. № 6. S. 33–36.

8. Pravovoe obespechenie sotsialnogo predprinimatelstva : uchebnoe posobie dlya magistrantov [The Legal Support of Social Entrepreneurship : textbook for graduate students] / A.V. Barkov, Ya.S. Grishina, O.A. Zolotova, Yu.G. Leskova [i dr.] ; pod redaktsiyey S.Yu. Morozova — Ya.S. Grishina, O.A. Zolotova,

Yu.G. Leskova [et al.] ; edited by S.Yu. Morozov. Ulyanovsk : Izd-vo Ulyanovskogo gosudarstvennogo un-ta — Ulyanovsk : Publishing house of the Ulyanovsk State University, 2019. 224 s.

9. Serova O.A. Sotsialnoe predprinimatelstvo: vy`bor organizatsionno-pravovoy formy` [Social Entrepreneurship: The Selection of a Form of Incorporation] / O.A. Serova // *Grazhdanskoe pravo — Civil Law*. 2019. № 2. S. 11–15.

10. Solovyev V.N. Sotsialnaya funktsiya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya otnosheniy sobstvennosti : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [The Social Function of the Civil Law Regulation of Property Relations : author's abstract of thesis of LL.D.] / V.N. Solovyev. Moskva — Moscow, 2013. 52 s.

11. Blockchain for Digital Government: An Assessment of Pioneering Implementations in Public Services / L. Vaccari, F. Pignatelli, D. Alessie, M. Sobolewski. Publications Office of the European Union, 2019. URL: http://publications.europa.eu/publication/manifestation-identifier/PUB_KJNA29677ENN

12. Cheung A.Y. Private Law for Public Ends / A.Y. Cheung. URL: <https://doi.org/10.31228/osf.io/mb2h6>

13. Cheung A.Y. Private Law for Public Ends / A.Y. Cheung. URL: https://www.researchgate.net/publication/335708479_Private_Law_for_Public_Ends/related

14. Dees J.G. The meaning of social entrepreneurship / J.G. Dees. Working paper, Stanford University, Stanford, CA, 2001. URL: http://www.caseatduke.org/documents/dees_sedef.pdf

15. Han B.-C. The Transparency Society / B.-C. Han. Stanford University Press, 2015. 71 p.

16. Hughes K. Blockchain, The Greater Good, and Human and Civil Rights / K. Hughes // *Metaphilosophy*. 2017. Vol. 48 (5). P. 654–65.

17. Konstantinidis I. Blockchain for business applications: A systematic literature review / I. Konstantinidis, G. Siaminos, C. Timplalexis [et al.] // *Business Information Systems: 21st International Conference, BIS (2018, Berlin, Germany, July 18–20, 2018) Proceedings* / W. Abramowicz and A. Paschke, Eds. Cham : Springer International Publishing, 2018. P. 384–399.

18. Löhnig M. The “Social Function of Property” in German Law / M. Löhnig // *Léon Duguit and the Social Obligation Norm of Property* / P. Babie, J. Viven-Wilksch (eds). Springer, Singapore. 2019. P. 111–121.

19. Meinel F. The lawyer in industrial society. Ernst Forsthoff and His Time / F. Meinel. Berlin : Akademie Verlag, 2011.

20. Mukkamala R.R. Blockchain for Social Business: Principles and Applications / R.R. Mukkamala, R.K. Vatrappu, P. Ray, S. Halder // *IEEE Engineering Management Review*. 2018. Vol. 46. Iss. 4. P. 94–99. DOI: 10.1109/EMR.2018.2881149.

21. Negü A. Social economy, social capital and local development / A. Negü // *Calitatea Vietii*. 2013. Vol. 2. P. 195–212.

22. Nishikawa J. The Theoretical Framework of Social Economy / *Economie Sociale* / J. Nishikawa // *Waseda Economic Papers*. 1996. Vol. 35. P. 53–63.

23. Yeoh P. Regulatory issues in blockchain technology / P. Yeoh // *Journal of Financial Regulation and Compliance*. 217. Vol. 25 (2). P. 196–208. DOI: 10.1108/JFRC-08-2016-0068.

Цифровые корпорации
в новом качестве управления

Карцхия Александр Амиранович,
профессор кафедры гражданского права
Российского государственного университета
нефти и газа (национальный исследовательский
университет) имени И.М. Губкина,
доктор юридических наук, доцент
arhz50@mail.ru

В наши дни влияние цифровых технологий определяет потребность развития современного правового регулирования с использованием новых цифровых объектов, технологий искусственного интеллекта, цифровых технологических платформ, больших данных и облачных сервисов, иных видов цифровых сервисов. Использование современных цифровых технологий способствует формированию новой технологической среды правового регулирования и одновременно актуализирует проблему адаптации права к возможностям современных цифровых технологий. Цифровые технологии оказывают существенное влияние на развитие традиционных отраслей экономики и стали составной частью современных управленческих систем в предпринимательстве, государственном управлении, в сферах обороны и безопасности государства и обеспечения правопорядка. Цифровизация обеспечивает невообразимый в аналоговом мире масштаб торговли и обмен услугами, значительно расширяет доступ к новым рынкам, новым продуктам. Это приводит, по оценкам ОЭСР и ВТО¹, к новому этапу глобализации, выраженному, в частности, в процессе трансграничного перемещения данных и информации, что, в свою очередь, трансформирует международную торговлю товарами и услугами. Цифровизация, как отмечают исследователи этого феномена², охватывает все большие сферы и все глубже входит в общественную практику и деятельность правоохранительных органов, обеспечивая, в частности, цифровую трансформацию полицейской деятельности, использование цифровых технологий в интересах улучшения доступа к правосудию, а также использования потенциала LegalTech.

Вполне очевидно, с нашей точки зрения, что процесс цифровизации способен изменить и саму модель экономического развития. В условиях растущего

распространения онлайн-технологий и цифровых платформенных технологий, как констатируется в отечественной Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года³, снижается потребность в трансграничном перемещении услуг, а под влиянием виртуальной и дополненной реальностей, дистанционно управляемой робототехники и других новых технологий складывается виртуализация и цифровизация деятельности ведущих многонациональных корпораций в сфере обрабатывающей промышленности, значительно усиливая их ориентацию на торговлю цифровыми услугами и продуктами. Изменение технологий и конфигурации производства, появление и распространение новых бизнес-моделей обуславливают дальнейшее повышение роли сферы услуг в мировой экономике и формировании глобального спроса, трансформации развивающихся рынков.

Четвертая промышленная революция меняет мир, и крайне важно, чтобы современные инновации использовались для обеспечения баланса между стабильным экономическим ростом и более инклюзивным и устойчивым будущим для всех. Это является непростой задачей в условиях современной экономической, политической и экологической турбулентности, появления новых и обострения старых угроз, к примеру в виде биологических угроз или пандемии коронавируса 2019-nCoV. В то же время, как отмечалось в документах Всемирного экономического форума в Давосе 2020 г.⁴, наряду с двумя основными моделями экономического развития: *первая модель* — «акционерный капитализм» (принятая большинством западных корпораций), которая определяет основной целью корпорации получение максимальной прибыли; и *вторая модель* — «государственный капитализм» (заимствованная во многих развивающихся странах), которая возлагает на государство определение направлений развития экономики, в настоящее время активно формируется новая, *третья модель* развития — «капитализм заинтересованных сторон»,

¹ OECD-WTO Handbook on Measuring Digital Trade, SDD/CSSP/WPTGS (2019) 4, 27–29 March 2019. URL: www.oecd.org; Artificial Intelligence in Society. OECD Publishing, 2019. URL: <https://doi.org/10.1787/cedfee77-en>; WIPO Technology Trends 2019: Artificial Intelligence. URL: <http://www.wipo.int>

² Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019. 212 с.

³ Распоряжение Правительства РФ от 14 августа 2019 г. № 1797-р «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. № 33. Ст. 4850.

⁴ The Davos Manifesto. World Economic Forum 2020. URL: <https://www.weforum.org/the-davos-manifesto>

объединяющая экономические и социальные цели корпораций. Эта модель позиционирует частные корпорации в качестве попечителей общества и служит актуальным ответом на сегодняшние мировые социальные и экологические проблемы. Получивший распространение в США в 1970-х годах «акционерный капитализм», который по настоящее время является доминирующей моделью, расширил свое влияние в глобальном масштабе в последующие десятилетия. В период расцвета этой модели процветали сотни миллионов людей по всему миру, поскольку стремящиеся к прибыли корпорации открывали новые рынки и создавали новые рабочие места. Однако сторонники «акционерного капитализма» (Чикагская школа экономистов, М. Фридман) пренебрегали тем фактом, что котирующаяся на бирже корпорация является не только нацеленной на получение прибыли организацией, но и социальным организмом. Под влиянием высокоприбыльной финансовой индустрии «акционерный капитализм» все больше пренебрегал реальной экономикой. В итоге пришло понимание, что форма этой модели больше не является устойчивой.

Новая концепция «капитализма заинтересованных сторон» предусматривает, что компании должны платить свою справедливую долю налогов, проявлять абсолютную нетерпимость к коррупции, обеспечивать защиту права человека во всех глобальных цепочках стоимости и выступать за конкурентный уровень — особенно в «платформенной экономике». Для поддержания новой модели развития компаниям требуются новые показатели, среди которых предложен базовый критерий (*метод ESG*) — «создание общей стоимости», включающий в себя помимо стандартных финансовых показателей экологические, социальные и управленческие критерии (*environmental, social, governance — ESG*) с учетом принципов «ответственного инвестирования». Метод ESG-интеграции, как отмечают эксперты⁵, предполагает оценку рисков и возможностей, выявленных в результате анализа факторов, связанных с экологией, социальной сферой и управлением, которые являются существенными для анализируемой компании или страны. Перспективы инвестиций также оцениваются на основе предпочтений для показателей в области охраны окружающей среды, социальной ответственности и корпоративного управления. Все чаще на практике оцениваются преимущества включения ESG-факторов в традиционный финансовый анализ привлекательности акций или иных корпоративных ценных бумаг, оценки целей инвестирования или корректировки моделей финансирования. Пока практика ESG-интеграции находится на этапе становления, ощущается нехватка нормативного регулирования и возможностей для проверки раскрываемой ESG-информации.

В развитие этой модели сформулирована Концепция интегрированной цифровой политики (*Going Digital Integrated Policy Framework*)⁶, которая

определяет направления политики инклюзивного и процветающего цифрового будущего, основанной на признании цифровых технологий, больших данных и новых бизнес-моделей в качестве главных движущих сил, лежащих в основе цифровой трансформации.

Наряду с этим цифровизация привела к формированию и развитию бизнес-экосистем, основанных на цифровых технологических платформах (комплексе компьютерного программного обеспечения и необходимых сервисах), включающих систему взаимодействия нескольких компаний, каждая из которых выполняет определенную роль и способствует общему успеху системы. Значение экосистемы состоит в том, что она объединяет множество компаний-участников разных типов и размеров для осуществления скоординированной деятельности по созданию, масштабированию и обслуживанию рынков (сегментов рынка) способами, выходящими за рамки возможностей каждой отдельной компании. Бизнес-экосистема часто использует так называемый сетевой эффект⁷ в своей предпринимательской деятельности. По оценкам экспертов⁷, в навигации и руководстве бизнес-экосистем применяются сложные структуры связей и используются различные бизнес-модели, операционные модели и способы выхода на рынок. Компании, использующие организационные принципы бизнес-экосистемы, принципы построения сетевой структуры, применяют разнообразные цифровые технологии, включая цифровые технологические (онлайн) платформы. В операционном управлении такой экосистемы достигаются значительные преимущества в виде ускоренного повышения производительности деятельности, улучшения логистики и производственной кооперации по сравнению с компаниями традиционных отраслей и классических цепочек создания стоимости.

Цифровизация экономики непосредственно связана и обусловлена развитием цифровых технологических (онлайн) платформ. «Платформизация» представляет собой основной драйвер экономики. В последнее десятилетие, по данным UNCTAD⁸, во всем мире появилось множество цифровых платформ, использующих бизнес-модели, изменяющих уже существующие отрасли. Мощь платформ проявляется в том, что семь из восьми ведущих мировых компаний по рыночной капитализации используют платформенные бизнес-модели. Цифровые платформы обеспечивают механизмы для объединения множества сторон для взаимодействия в режиме онлайн. Различаются транзакционные и инновационные платформы. Транзакционные платформы — это многосторонние рынки с онлайн-инфраструктурой, поддерживающей обмен между несколькими различными участниками. Такие платформы стали основной бизнес-моделью для крупных цифровых корпораций, таких как Amazon, Alibaba, Facebook и

⁵ ESG-интеграция: рынки, методы и данные. 2019 CFA Institute. С. 8–10. URL: www.cfainstitute.org

⁶ Going Digital Integrated Policy Framework. OECD Economic Papers. February 2020. URL: www.oecd.org/going-digital

⁷ Building a portfolio of digital industrial solutions leveraging powerful business ecosystems. Deloitte Insights. 09 March, 2020. URL: <https://www2.deloitte.com>

⁸ Digital Economy Report 2019. Value creation and Capture: Implications for Developing Countries. UN Geneva 2019. P. XV. URL: www.un.org/publications

eBay, а также использующих цифровые технологии компаний Uber, Airbnb. Инновационные платформы применяются производителями программных продуктов и интернет-контента для разработки приложений и программного обеспечения — например, в форме операционных систем (Android, Linux) или технологических стандартов (MP3, H.264). Ориентированные на платформы компании имеют большое преимущество в экономике, основанной на больших данных. Как система инфраструктурных посредников, они могут записывать и извлекать данные, связанные с онлайн-действиями и транзакциями среди пользователей платформы. Рост цифровых платформ напрямую связан с их способностью собирать и анализировать цифровые данные, способностью оптимально монетизировать эти данные для получения дохода.

В российском законодательстве, с нашей точки зрения, платформенными решениями (бизнес-моделью) является, в частности, правовой механизм, установленный Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 29.07.2018) «О защите прав потребителей»⁹, предусматривающий продажу товаров (выполнение работ, оказание услуг) посредством компании-владельца (агрегатора) сайта в сети «Интернет» потребителю в отношении определенного товара (услуги) с возможностью одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов. К категории «платформенных» также относится инвестирование с использованием инвестиционных платформ в соответствии с Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰, который предусматривает регулирование деятельности по организации привлечения инвестиций на основании договоров об оказании услуг по привлечению инвестиций и договоров об оказании услуг по содействию в инвестировании с помощью информационных технологий и технических средств инвестиционной платформы компанией-оператором такой платформы. Наиболее распространенной из «платформенных» моделей стала организационная форма электронных торгов на операционных электронных площадках в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹¹, использующая

электронные процедуры на базе информационных технологий оператором площадки и участниками закупок.

В финансовой сфере Банк России определил перспективы разработки и внедрения платформенных технологий, в частности, посредством: платформ для удаленной идентификации, платформ быстрых платежей, платформ-маркетплейс для финансовых услуг и продуктов, платформ для регистрации финансовых сделок, платформ для облачных сервисов, платформ на основе технологии распределенных реестров и ряда других¹². В настоящее время Банк России успешно завершил пилотный проект блокчейн-платформы¹³ для выпуска и оборота цифровых прав, позволяющий оцифровывать (токенизировать) товары, услуги, ценные бумаги и другие активы. Платформа обеспечивает возможность выпуска любыми организациями гибридных токенов, обеспеченных различными активами в целях расширения возможностей бизнеса по привлечению финансирования и создания новых удобных инструментов для инвестиций. Эта бизнес-модель для практического применения разработана ПАО «ГМК «Норильский никель»». Как отмечают современные исследования, использование цифровых технологий, цифровые трансформации в финансовой сфере представляют собой ключ к поиску новых решений, меняющих границы цифровой экосистемы¹⁴.

Цифровая онлайн-платформа, как констатируется в докладе OECD¹⁵, является ранее известной бизнес-моделью, которая была омоложена самим масштабом цифровой экономики. Многие цифровые рынки (*marketplaces*) вместо взимания платы за вход или использование услуг платформы на основании договоров аренды (или лицензионных соглашений) стали применять доступные цифровые технологии для монетизации услуг пользователей такой платформы. Цифровые платформы коммерческого характера часто рассматривают как разновидность многосторонних рынков (многосторонних платформ — *multi-sided platforms*), к категории которых относятся, в частности: (а) системы платежных карт, которые соединяют держателей карт, продавцов, банки-эмитенты карт и банки-эквайеры; (в) фондовые биржи, которые соединяют покупателей и продавцов; (с) торговые центры, которые соединяют розничных торговцев с покупателями; (d) цифровые платформы, которые соединяют пользователей, поставщиков контента и рекламодателей; (е) телекоммуникационные сети, соединяющие пользователей сетей связи, и др. Существование кросс-платформенной сетевой экстернатальности служит отличительной чертой таких платформ. При этом классификация платформ осуществляется по разным критериям.

¹² Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/36231/ON_FinTex_2017.pdf (10.03.2020).

¹³ URL: <https://cbr.ru/Press/event/?id=6387> (10.03.2020).

¹⁴ Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / К.Т. Анисина, Б.Г. Бадмаев, И.В. Бит-Шабо и др.; под ред. И.А. Цинделлиани. М.: Проспект, 2019. С. 33–34.

¹⁵ Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms. OECD 2018. P. 10–13. URL: www.oecd.org/competition/

⁹ Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О защите прав потребителей”» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4839.

¹⁰ СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

¹¹ СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

С технологической точки зрения, в понимании автора, цифровая (онлайн) платформа — это сложная система технологий, компьютерных программ и компьютерного оборудования и устройств, обеспечивающая набор сервисных возможностей, на основе которых может быть разработано и развернуто множество различных продуктов. Операционные системы (Microsoft Windows, iOS, Android) являются наглядными примерами технологических платформ, которые поддерживают широкий спектр цифровых приложений и услуг (сервисов), часто предоставляемых сторонними поставщиками.

Следует сказать, что онлайн-платформы как таковые существовали, как отмечают ряд исследователей¹⁶, с первых дней существования Всемирной паутины (WWW), например — America Online (AOL), Netscape или Myspace, характеризовались в качестве цифровых сервисов, двусторонних платформ, которые обеспечивали взаимодействие между различными группами пользователей Интернета.

Экономика онлайн-платформ, как замечает Т.В. Сойфер¹⁷, относится к сферам экономики совместного потребления, в частности: финансовые платформы, предполагающие установление отношений займа и отношений по инвестированию, использование недвижимости, транспортных средств или недвижимости, куплю-продажу, выполнение работ и оказание услуг. Эксперты отмечают увеличение в России объема транзакций на основных онлайн-платформах в 2018 г. до 511 млрд руб. — на 30% больше по сравнению с 2017 г.

Цифровые платформы используются онлайн-площадкой услуг по аренде жилья или иных помещений (платформа Airbnb), предоставляющей информационные услуги для заключения сделок непосредственно хозяином и арендатором помещения, отмечает И.З. Аюшеева¹⁸, исследуя эти услуги. Вновь создаваемые бизнес-модели предпринимательской деятельности часто используют технологические возможности онлайн-платформ. Например, как замечает Ю.Н. Боярская¹⁹, модель каршеринга (*Peer-to-Peer (P2P) carsharing*) — модель проката несобственником арендованных транспортных средств. Еще одним набирающим популярность сервисом в сфере транспортного обслуживания, указывает А.И. Бычков²⁰,

стал райдшеринг (карпулинг), который дает возможность нескольким попутчикам объединиться и использовать один автомобиль для совместной поездки посредством специализированных онлайн-платформ (например, BlaBlaCar). Появились и другие разнообразные бизнес-модели совместного потребления с использованием цифровых платформ — совместные путешествия и закупка товаров, аренда вещей, обмен жильем, фудшеринг, прокат велосипедов и др.

В условиях расширения применения цифровых платформ важным вопросом является не только правовой статус оператора платформы, но и пределы и основания его имущественной ответственности. Судебная практика уже дает ответы на такие вопросы. Так, апелляционной инстанцией Московского областного суда подтверждена имущественная ответственность за причинение ущерба при ДТП организации — владельца транспортного средства, которая передала его в аренду и управление частному водителю для выполнения услуг такси посредством онлайн-подключения к агрегаторам заказа такси (Гетт Такси и Яндекс Такси)²¹. Вместе с тем владелец агрегатора транспортных услуг обязан доводить до сведения потребителя информацию об услуге в соответствии со ст. 9 Закона от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», что следует из постановления Девятого арбитражного апелляционного суда²². При отсутствии такой информации нарушитель привлекается к административной ответственности.

По своей функциональной направленности цифровые технологические платформы возможно классифицировать по следующим группам: (а) платежно-расчетные, осуществляющие финансовые операции и денежные расчеты (PayPal, Uber, eBay); (б) инновационные, осуществляющие развитие техники и технологии (SAP, Oracle, Microsoft); (в) инвестиционные, осуществляющие инвестиционные проекты (SoftBank,); (г) интеграционные, осуществляющие предоставление IT-услуг в цифровом формате (Google, AppStore, Yandex)²³.

На практике выделяется большое разнообразие онлайн-платформ (цифровых платформ)²⁴, которые охватывают широкий спектр деятельности, включая онлайн-рекламные платформы, торговые платформы, поисковые системы, социальные сети и креативные каналы контента, платформы распространения приложений, коммуникационные услуги, платежные системы и платформы для совместной

¹⁶ Claffy K., D. Clark D. Platform Models for Sustainable Internet Regulation // Journal of Information Policy. Vol. 4 (2014). P. 465. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.5325/jinfopoli.4.2014.0463>

¹⁷ Сойфер Т.В. Гражданско-правовое регулирование отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy): направления развития // Гражданское право. 2019. № 5. С. 6–10.

¹⁸ Аюшеева И.З. Особенности гражданско-правового регулирования отношений по предоставлению в пользование недвижимого имущества в условиях развития экономики совместного потребления (sharing economy) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 44. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.040-048

¹⁹ Боярская Ю.Н. Анализ общих и специальных норм гражданского законодательства, регулирующих договор каршеринга // Юрист. 2019. № 8. С. 39–43.

²⁰ Бычков А.И. Правовое регулирование экономики совместного потребления. М.: Информоприск Медиа, 2019.

²¹ Апелляционное определение Московского областного суда от 14 октября 2019 г. по делу № 33-27610/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2019 г. № 09АП-40861/2019 по делу № А40-72718/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25–28.

²⁴ Online Platforms and the Digital Single Market Opportunities and Challenges for Europe. Communication from the Commission to the European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, May 25, 2016. URL: <https://ec.europa.eu>

предпринимательской деятельности. Всем этим разновидностям присущи общие черты, в частности: (1) способность создавать и формировать новые рынки, конкурировать с традиционным и организовывать новые формы участия или ведения бизнеса на основе сбора, обработки и редактирования больших объемов данных; (2) обеспечение непосредственного взаимодействия между группами пользователей (потребителей); (3) получение выгоды от «сетевых эффектов», где ценность сервиса (услуг) увеличивается с увеличением числа пользователей; (4) использование преимущественно информационно-коммуникационные технологий для прямой коммуникации с пользователями (потребителями); (5) ключевая роль в создании цифровой стоимости, в частности, путем получения значительной стоимости (в том числе за счет накопления большого массива данных), а также содействие вновь создаваемым предприятиям и формированию новых стратегических связей.

Процесс цифровизации, по мнению автора, вступает в свою новую фазу развития, которая характеризуется формированием новых цифровых бизнес-структур — цифровых предприятий, цифровых корпораций. Новым явлением в процессе современной цифровой трансформации становится наметившийся «цифровой переход» к стандартам ESG, который требует соответствующего правового регулирования для современных корпораций, включая цифровые технологические платформы (*digital platforms*). Правовой статус таких платформ, правовые основы функционирования таких корпораций требуют дальнейшей правовой проработки в условиях практики устойчивого развития ESG в сферах влияния компаний на окружающую среду, их социальной ответственности и качества корпоративного управления.

Литература

1. Аюшеева И.З. Особенности гражданско-правового регулирования отношений по предоставлению в пользование недвижимого имущества в условиях развития экономики совместного потребления (*sharing economy*) / И.З. Аюшеева // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 4–48. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.040-048.

2. Боярская Ю.Н. Анализ общих и специальных норм гражданского законодательства, регулирующих договор каршеринга / Ю.Н. Боярская // Юрист. 2019. № 8. С. 39–43.

3. Бычков А.И. Правовое регулирование экономики совместного потребления / А.И. Бычков. Москва : Инфотропик Медиа, 2019. 136 с.

4. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования / А.А. Карцхия // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25–28.

5. Сойфер Т.В. Гражданско-правовое регулирование отношений по коллективному использованию товаров и услуг (*sharing economy*): направления развития / Т.В. Сойфер // Гражданское право. 2019. № 5. С. 6–10.

6. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография / Н.А. Голо-

ванова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев [и др.]. Москва : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 210 с.

7. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : монография / К.Т. Анисина, Б.Г. Бадмаев, И.В. Бит-Шабо [и др.] ; под редакцией И.А. Цинделиани. Москва : Проспект, 2019. 320 с.

8. Claffy K. Platform Models for Sustainable Internet Regulation / K. Claffy, D. Clark // Journal of Information Policy. 2014. Vol. 4. P. 463–488.

References

1. Ayusheeva I.Z. *Osobennosti grazhdansko-pravovogo regulirovaniya otnosheniy po predostavleniyu v polzovanie nedvizhimogo imushchestva v usloviyakh razvitiya ekonomiki sovmestnogo potrebleniya (sharing economy)* [The Peculiarities of the Civil Law Regulation of Relations for Making Real Estate Available for Use in Conditions of Sharing Economy Development] / I.Z. Ayusheeva // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2019. № 6. S. 4–48. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.040-048.

2. Boyarskaya Yu.N. *Analiz obshchikh i spetsialny'kh norm grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyuschikh dogovor karsheringa* [An Analysis of General and Special Civil Law Provisions Regulating a Carsharing Agreement] / Yu.N. Boyarskaya // Yurist — Lawyer. 2019. № 8. S. 39–43.

3. Bychkov A.I. *Pravovoe regulirovanie ekonomiki sovmestnogo potrebleniya* [The Legal Regulation of Sharing Economy] / A.I. Bychkov. Moskva : Infotropik Media — Moscow : Infotropik Media, 2019. 136 s.

4. Kartskhiya A.A. *Tsifrovye tekhnologicheskie (onlayn) platformy: rossiyskiy i zarubezhny'y opyt regulirovaniya* [Digital Technological (Online) Platforms: The Russian and Foreign Regulation Experience] / A.A. Kartskhiya // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2019. № 3. S. 25–28.

5. Soyfer T.V. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnosheniy po kolektivnomu ispolzovaniyu tovarov i uslug (sharing economy): napravleniya razvitiya* [The Civil Law Regulation of Relations of the Collective Use of Goods and Services (Sharing Economy): Development Areas] / T.V. Soyfer // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2019. № 5. S. 6–10.

6. *Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost v usloviyakh tsifrovizatsii : monografiya* [Criminal Jurisdiction Activities in Conditions of Digitization : monograph] / N.A. Golovanova, A.A. Gravina, O.A. Zaytsev [i dr.] — N.A. Golovanova, A.A. Gravina, O.A. Zaytsev [et al.]. Moskva : IZiSP, KONTRAKT — Moscow : ILCL, CONTRACT, 2019. 210 s.

7. *Finansovoe pravo v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki : monografiya* [Financial Law in Conditions of Digital Economy Development : monograph] / K.T. Anisina, B.G. Badmaev, I.V. Bit-Shabo [i dr.] ; pod redaksiyey I.A. Tsindeliani — K.T. Anisina, B.G. Badmaev, I.V. Bit-Shabo [et al.] ; edited by I.A. Tsindeliani. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2019. 320 s.

8. Claffy K. Platform Models for Sustainable Internet Regulation / K. Claffy, D. Clark // Journal of Information Policy. 2014. Vol. 4. P. 463–488.

Информационное содействие и информационные обязанности сторон в обязательстве: СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

Комиссарова Елена Генриховна,
профессор кафедры гражданского права
Пермского государственного национального исследовательского университета,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Института государства и права
Тюменского государственного университета,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
eg-komissarova@yandex.ru

Научная тематика добросовестности, привнесшая в цивилистическую доктрину и практику поистине «свежий ветер перемен», продолжает вовлекать в свою научную орбиту те проблемы, которые достаточно долгое время пребывали в разряде зачаточных и второстепенных, не претендуя на собственное науковедческое значение. В их числе учет прав и взаимных интересов, содействие договаривающихся и договорившихся сторон, в том числе информационное, отраженные в п. 3 ст. 307 ГК РФ.

Принятие данной нормы стало источником новых научных знаний о добропорядочном, доверительном и солидарном поведении в обязательственном праве. Между тем на самом деле источник этих знаний появился намного раньше. Об учете интересов друг друга, их неэгоистическом поведении не без учета европейских доктрин мечтали еще составители проекта Гражданского уложения Российской империи, заключая в его текст правило об исполнении обязательства «согласно принятому в деловых отношениях порядку» (ст. 1609 «Общие положения главы «Исполнение обязательств»»).

Цель этого весьма емкого и, как известно, на тот момент истории небесспорного правила была в намерении законодателя закрепить идею о том, что «договорные правила основываются на началах справедливости и добросовестности»¹. Эти начала авторы проекта считали «коренными для договорно-обязательственного права», противопоставляя им «своекорыстие и недобросовестность». Именуя понятия, оформляющие такие начала, отвлеченными, «относящимися к области науки, теории права», составители признавали, что «законодательная практика не установила до сих пор объема и содержания положений, долженствующих служить введением в общую часть обязательственного права»². Убежденные авторы проекта в том, что «закон должен иметь

дело с фактами и конкретными данными, а не с отвлеченными понятиями»³, привело к тому, что в нем были сохранены лишь две ремарки о доброй совести (ст. 1609, 1610).

Если учесть тот исторический факт, что русский законодатель ко времени появления этого проекта уже призывал суды «нормировать договорные отношения по доброй совести» и «бороться с недобросовестностью при заключении сделок посредством более эластичных правил, расширяющих усмотрение суда»⁴, то не исключено, что развитие представлений о доброй совести в российской юриспруденции пошло бы по европейскому пути. Тому, который брал свое начало от доктрины и судебной практики, индуцировавших начала доброй совести, справедливости и честности с последующим вживлением их в «тело» европейского права.

Но российская история распорядилась иначе, и сегодняшний исход «нашествия добросовестности» в гражданское право хоть и замкнулся на той же триаде: наука — законодательство — практика, но в иной последовательности. Есть нормы-принципы о добросовестности, есть наука, взорвавшаяся весьма объемным и глубоким теоретическим ресурсом по поводу добросовестности, и есть пребывающая в смятении судебная практика. В то время как именно судебной практике адресованы нормы-принципы о добросовестности, ведь именно от ее оценки зависит, будет ли признано поведение добросовестным или нет.

В попытках отыскать законодательный смысл, вложенный в нормативные правила о добросовестности, в ход пошли многочисленные теоретические интерпретации. Не худшая научная традиция, если избегать методологических пробелов в этом научном занятии, минимизируя тем самым риски теоретического ухода в противоположную от законодательного замысла сторону.

¹ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 1. Ст. 1–276. С объяснениями. С-Петербург, 1899. Введение. С. III, X, XLVIII.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. LIJ.

⁴ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / под ред. И.М. Тютрюмова / сост. А.Л. Саатчиан. Т. 1. СПб., 1910. С. 78.

На фоне научного интереса к канонам доброй совести набирает свои интерпретационные обороты и теория содействия сторон в обязательстве, ответвлением которой является теория информированности. Актуализацию последней в равной мере обеспечивают как социально-экономический, так и доктринальный аспекты. Первый выявляет многочисленные житейские примеры информационной асимметрии сторон в договоре, способной обесценить или совсем уничтожить тот экономический эффект, на который рассчитывала сторона, вступая в договор. Лидерами информационной раскоординации сегодня являются рынки так называемых вторичных продаж (недвижимость, подержанные авто и др.), рынки оказания профессиональных услуг (финансовых, маркетинговых, образовательных, медицинских и т.д.) и многообразные формы посреднической деятельности, нередко сопровождаемые информационным оппортунизмом.

Наличие участия законодателя для недопущения и преодоления подобного положения сегодня выражено в трех нормативных вариантах. Наиболее рациональный, вполне отвечающий требованиям справедливости, — это создание договорных конструкций, в которых информационная составляющая имеет существенную роль, а потому тесно связана с предметом и целью договора. Перечень таких (специальных) норм, в которых стороне, располагающей информацией, закон предписывает обязанность ее раскрыть, обширен (ст. 495, 498, 726, 732, 774, 804, 840, 853, 944, 1031 ГК РФ и др.). Второй вариант связан с целевой поддержкой правопорядком информационных интересов слабого участника оборота — потребителя. Третий сконструирован для целей защиты интересов сторон на стадии заключения договора (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ)⁵.

Легализованные варианты законодательного выравнивания информационного положения сторон, естественно, не способны перекрыть все то многообразие имущественных отношений, в которых информационный ресурс, недостаточность которого часто граничит с обманом, влияет на достижение разумных экономических ожиданий сторон обязательства. Всегда будут существовать отношения, не подпадающие под известные случаи регулирования, а значит, остающиеся без юридического участия. Того участия, которое помогает предупредить или постфактум компенсировать многообразные обязательственные риски, начиная от выбора контрагента до правдивости содержательных условий установленного обязательства. Согласно законодательному замыслу, хранителем такого инструмента способна стать норма, зафиксированная в п. 3 ст. 307 ГК РФ.

Второй — доктринальный аспект проблемы пока менее очевиден. Находясь под влиянием тех изменений, которые происходят в самой юридической науке, она еще только приспосабливается к теоретическим приемам, пытаясь найти методологическую опору для теории информационного сотрудничества, не упустив при этом возможность указать законодателю на то, что правило п. 3 ст. 307 ГК РФ страдает известной неопределенностью⁶.

Так это или иначе, но доктринальный анализ показывает, что осмысление сущностной стороны правила об информационном содействии сторон в обязательстве происходит в основном в категориях добросовестности. Поэтому «местом встречи» абсолютного большинства точек зрения по проблеме информационного содействия сторон в обязательстве является принцип добросовестности⁷. Тем не менее утверждать, что выводы доктрины относительно правовой сущности информационного поведения сторон теоретически однозначны, нельзя. В науке есть попытки представить информационное поведение сторон обязательства в форме информационных обязанностей⁸, что обнажает ряд теоретических проблем.

Доктринальная тематика содействия сторон в обязательстве и особенности их информационного поведения в аспекте доброй совести носит интернациональный характер. Свидетельство тому — многочисленные отсылки ученых к европейской доктрине, актам международного частного права, нормам европейского законодательства, а в последнее десятилетие и к установлениям наднационального европейского права. Мысли о европейской добросовестности, получившей статус «юридического свода», будоражат умы российских ученых. Иногда без учета того предупреждения, что не единожды прозвучало в науке через утверждение о том, что российской доктрине надлежит учитывать тот факт, что европейская доктрина добросовестности «копируется не на «особо удачные» или «счастливо найденные» законодательные формулировки тех или иных конкретных норм и институтов, а на многовековые традиции их применения в условиях развитого рыночного хозяйства»⁹. В нем открытый призыв к разнообразию теоретических приемов, выбор которых не должен ограничиваться научной интерпретацией соответствующих норм и «слепыми» обращениями к зарубежному опыту.

Стоит признать, что в условиях отсутствияработанной судебной практики по вопросу информационного содействия сторон в обязательстве это будет непросто. В самой практике пока нет никаких традиций, связанных с оценкой судом информационного поведения его сторон с позиции добросовестности. Однако первые ростки доктринального анализа уже пробиваются наружу¹⁰, приглашая доктрину

⁵ Бевзенко Р.С. Принцип добросовестности в обязательственном праве. Новые инструменты защиты от хитрых уловок контрагентов // Корпоративный юрист. 2015. № 6. С. 13; Витрянский В.В. Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016. С. 231–232; Гурова Э.А. Содействие сторон как принцип обязательственного права // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 101–105; Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 ГК РФ / под ред. А.Г. Карапетова. М.: Статус, 2017. С. 42, 46; Кузьмина И.Д. Состав принятых административных обязательств // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 63; Панченко П.В. Классификация видов содействия сторон обязательства // Закон. Россия: анализ, практика. 2018. № 2. С. 95; Нам К. Добросовестность обязанности сторон в обязательстве // Хозяйство и право. 2018. № 12. С. 11–21 и др.

⁶ Архипова А.Г. Обязанность предоставить информацию по п. 3 ст. 307 ГК РФ // Вестник западного правосудия. 2017. № 2. С. 60–62.

⁷ Суздальцев Е.А. Реформа гражданского кодекса Российской Федерации: баланс и приоритеты // Вестник МГУ. Право. 2016. № 6. С. 32.

⁸ Козина А. Анализ практики применения п. 3 ст. 307 ГК РФ // Вестник западного правосудия. 2020. № 2.

⁵ См.: Определение Верховного Суда РФ от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_esc.php?id=1859690

⁶ Лугманов Р.Р. Умолчание об обстоятельствах: критерии определения информации, подлежащей раскрытию // Законодательство. 2017. № 9. С. 48.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

к академической дискуссии. Это тот самый случай, когда «представлениями о функциях, сферах применения, методах и способах реализации принципа добросовестности в конкретных делах должна обеспечивать судью юридическая наука»¹¹. Добавим, та, которая с опорой на диспозитивный метод регулирования сможет задать правоприменителю адекватные горизонты судебного толкования п. 3 ст. 307 ГК РФ, соответствующие целям и задачам частного права.

Если подходить к оценке суждения об информационной обязанности исключительно с теоретических позиций, без обсуждения вопроса о том, каким образом интерпретируемый принцип участвует в правовом регулировании, то спорить с этим суждением не имеет смысла. Если же понимать, что актуальная задача при решении данной проблемы — это ориентир на практику правоприменения, то задача существенно усложняется, обретая методологический характер. Главными вешками на пути ее решения становятся ориентиры на законодательный смысл, вложенный в содержание правила о сотрудничестве сторон, и право суда давать последующую оценку поведению сторон на предмет его соответствия принципу добросовестности.

Представляется, что отправной точкой доктринального анализа правил о содействии в рамках принципа добросовестности должно быть не только правило материального права, устанавливающее обязанность добросовестного поведения в целом (п. 3 ст. 1 ГК РФ) и в обязательстве в частности (п. 3 ст. 307 ГК РФ), но и процессуальное правило, зафиксированное в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2016 г. № 25, согласно которому «поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения»¹². Появление этой оговорки в процессуальном праве во многом символично — она обращает область правоприменения к формуле Ульпиана *justitiam colimus* — «суд чтит справедливость, возделывает ее».

Вспоминая русскую и европейскую историю появления норм о добросовестности, можно увидеть, что их первоочередная цель была в обеспечении правоприменительной гибкости существующих норм права. В современной судебной практике эта идея по своей сути выплывала в контрольную функцию правоприменителя, имеющего право сопоставлять поведение стороны в обязательстве с принципом добросовестности, находить или не находить в нем качества лояльности контрагентов, фактической честности по отношению друг к другу. Ведь, согласно этой новой процессуальной норме, суды не только вправе, но и обязаны противостоять лицу в тех обстоятельствах, когда его действия или бездействие ведут к нарушению баланса интересов сторон или являются по-

пытками воспользоваться (информационными) преимуществами. Здесь впору вспомнить весьма удачное доктринальное понимание содействия как «знания, связанного с известным доброжелательством»¹³, а также об «эластичном» праве сторон «рассчитывать на такую взаимопомощь, которая не вытекает из их конкретных обязанностей, но становится в силу сложившихся обстоятельств необходимой для одной стороны и может быть ей оказана другой стороной без ущерба для себя»¹⁴.

Что касается норм права материального с его описательным повествованием при изложении правила, заключенного в п. 3 ст. 307 ГК РФ, то его функционал сочетает в себе требование и призыв законодателя соотносить свое поведение с требованиями, воплощенными в нормах права, оглашение необходимой типовой модели поведения сторон при осуществлении их прав. Отсюда диспозиция желаемого информационного поведения — это позитивная установка его носителя передать второй стороне отношения необходимую информацию, достаточную для достижения того экономического эффекта, ради которого стороны вступили в обязательство.

Отсюда совсем не зря в современной литературе отражен воспитательный и декларативный характер принципа добросовестности, позволяющий увидеть и понять то, как должно пониматься и применяться право¹⁵.

В числе иных контраргументов, опровергающих научный взгляд, предписывающий наличие информационных обязанностей сторонам в рамках п. 3 ст. 307 ГК РФ, могут быть приведены следующие.

Во-первых, предписывая сторонам обязательства осуществлять информационное поведение в форме юридической обязанности, надлежит понимать, что всякая новая юридическая обязанность, указанная законодателем «поверх» тех, которые стороны изберут по условиям заключенного договора самостоятельно, ограничивает свободу договора и автономию воли сторон. Отсюда утверждение о том, что информационное содействие может быть реализовано только в форме информационной обязанности, требует весомых научно-практических аргументов по поводу того, что введение дополнительной обязанности сторон по обязательству, не связанной непосредственно с предметом и целью обязательства, по силе убедительности можно приравнять к уже известным основаниям ограничения свободы договора, которые на данный момент учтены законодателем.

Во-вторых, трактовка информационного содействия в категории юридической обязанности обнаруживает правовую бесполезность вновь принятой ст. 434.1 ГК РФ и тех норм, в которых информационная обязанность стороны или сторон привязана к предмету и цели договорного обязательства, определяя факт его заключения и действительности (ст. 495, 498 и др.). Причина кроется в угрозе утраты дифференцирующего значения тех императивных

¹¹ Нам К. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 6. С. 75.

¹² Абзац 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

¹³ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. Пг., 1916. № 6. С. 65.

¹⁴ Иоффе О.С. Избранные труды : в 4 т. Т. 3: Обязательственное право. СПб., 2004. С. 113.

¹⁵ Нам К. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия. 2020. № 2. С. 102.

предписаний, которые заключены в эти специальные нормы, чье существование тесно связано с иными нормообразующими признаками этих разновидностей обязательств.

В-третьих, соотнося приведенную автором смысловую трактовку принципа информационного содействия с запросами судебной практики, пока только стремящейся постичь принцип добросовестности и возможности его реализации в границах законодательной воли, нетрудно увидеть, какую проблему ей несет подобное доктринальное утверждение в виде необходимости всякий раз устанавливая факт возникновения такой обязанности с попыткой отыскать корреспондирующее ей право.

В-четвертых, очевиден факт подмены юридического инструментария, при которой законодательный призыв участников обязательства к добросовестному поведению фактически возводится в масштаб конкретной юридической обязанности с неопределенными юридическими последствиями.

Последний аргумент касается той потенциальной опасности, которую создает интерпретация принципа информационного содействия через юридическую обязанность. Эта опасность — в столкновении данного принципа с другими принципами гражданского законодательства. Предвидя такие последствия, К. Нам высказал безусловно важное для жизнеспособности принципа добросовестности утверждение о том, что ему как правовому явлению надлежит «мирно и конструктивно сосуществовать в системе правового регулирования»¹⁶. В то время как утверждение о конкретных позитивных обязанностях в рамках принципа добросовестности способно нарушить заданную законодателем гармонию в том соотношении и взаимодействии разных гражданско-правовых принципов, которые заложил законодатель, стремясь к недопустимости разрушения заданной системности.

Подводя итог предпринятым суждениям, заметим, что ценность новой законодательной конструкции, выраженной в п. 3 ст. 307 ГК РФ, в том, что ей предстоит стать одним из источников формирования нового юридического знания об обязательствах через познание таких явлений, как содействие, доверие, предупредительность и взаимная доброжелательность. Перед нами тот случай, когда одних лишь «старых добрых» приемов интерпретации норм-принципов оказывается недостаточно. Важнее опора на законодательный замысел новой нормы, ее тесную связь с практикой правоприменения, иными принципами гражданского законодательства и уже существующими нормами законодательства, которые обеспечивают дифференциацию правил об информационном поведении сторон в обязательстве.

Литература

1. Архипова А.Г. Обязанность предоставить информацию по п. 3 ст. 307 ГК РФ / А.Г. Архипова // Вестник экономического правосудия. 2017. № 2. С. 60–94.
2. Бевзенко Р.С. Принцип добросовестности в обязательственном праве. Новые инструменты защиты от хитрых уловок контрагентов / Р.С. Бевзенко // Корпоративный юрист. 2015. № 6. С. 7–20.

3. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В.В. Витрянский. Москва : Статут, 2016. 429 с.

4. Гурова Э.А. Содействие сторон как принцип обязательственного права / Э.А. Гурова // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 101–105.

5. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 ГК РФ / под редакцией А.Г. Карапетова. Москва : Статут, 2017. 1120 с.

6. Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 томах. Т. 3: Обязательственное право / О.С. Иоффе. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2004. 837 с.

7. Козина А. Анализ практики применения п. 3 ст. 307 ГК РФ / А. Козина // Вестник экономического правосудия. 2020. № 2. С. 173–191.

8. Кузьмина И.Д. Состав принципов исполнения обязательства / И.Д. Кузьмина // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 61–67.

9. Лугманов Р.Р. Умолчание об обстоятельствах: критерии определения информации, подлежащей раскрытию / Р.Р. Лугманов // Законодательство. 2017. № 9. С. 48–56.

10. Нам К. Дополнительные обязанности сторон в обязательстве / К. Нам // Хозяйство и право. 2018. № 12. С. 11–21.

11. Нам К. Принцип добросовестности как правовой принцип / К. Нам // Вестник экономического правосудия. 2020. № 2. С. 88–103.

12. Нам К. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины / К. Нам // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 6. С. 74–89.

13. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 56–90.

14. Панченко П.В. Классификация видов содействия сторон обязательства / П.В. Панченко // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 92–98.

15. Суханов Е.А. Реформа гражданского кодекса Российской Федерации: балансы и компромиссы / Е.А. Суханов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 6. С. 20–36.

References

1. Arkhipova A.G. Obyazannost predostavit informatsiyu po p. 3 st. 307 GK RF [The Obligation to Provide Information Under Clause 3 Article 307 of the Civil Code of the Russian Federation] / A.G. Arkhipova // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya — Bulletin of Economic Justice. 2017. № 2. S. 60–94.
2. Bevzenko R.S. Printsip dobrososvestnosti v obyazatelstvennom prave. Novy'e instrumenty' zaschity' ot khitry'kh ulovok kontragentov [The Good Faith Principle in the Law of Obligations. New Instruments of Protection Against Subtle Ploys of Contractors] / R.S. Bevzenko // Korporativny'y jurist — Corporate Lawyer. 2015. № 6. S. 7–20.
3. Vitryanskiy V.V. Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatelstva: promezhutochny'e itogi [The Reform of Russian Civil Law: Interim Results] / V.V. Vitryanskiy. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2016. 429 s.
4. Gurova E.A. Sodeystvie storon kak printsip obyazatelstvennogo prava [The Assistance of Parties as a

¹⁶ Нам К. Принцип добросовестности как правовой принцип. С. 90.

Principle of the Law of Obligations] / E.A. Gurova // *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta — Legal Bulletin of the Samara University*. 2017. T. 3. № 2. S. 101–105.

5. Dogovornoe i obyazatelstvennoe pravo (obschaya chast): postateynny'y kommentariy k statyam 307–453 GK RF [Contractual Law and Law of Obligations (the General Part): An Article-by-Article Commentary on Articles 307 to 453 of the Civil Code of the Russian Federation] / pod redaktsiey A.G. Karapetova — edited by A.G. Karapetov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2017. 1120 s.

6. Ioffe O.S. Izbranny'e trudy'. V 4 tomakh. T. 3: Obyazatelstvennoe pravo [Selected Works. In 4 volumes. Vol. 3: Law of Obligations] / O.S. Ioffe. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy Tsentri Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2004. 837 s.

7. Kozina A. Analiz praktiki primeneniya p. 3 st. 307 GK RF [An Analysis of the Practice of the Application of Clause 3 Article 307 of the Civil Code of the Russian Federation] / A. Kozina // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiviya — Bulletin of Economic Justice*. 2020. № 2. S. 173–191.

8. Kuzmina I.D. Sostav printsipov ispolneniya obyazatelstva [The Composition of the Principles of Obligation Discharge] / I.D. Kuzmina // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo — Bulletin of the Omsk University. Series : Law*. 2018. № 1 (54). S. 61–67.

9. Lugmanov R.R. Umolchanie ob obstoyatelstvakh: kriterii opredeleniya informatsii, podlezhashey

raskry'tiyu [The Intentional Omission of Circumstances: Criteria for the Determination of Information Subject to Disclosure] / R.R. Lugmanov // *Zakonodatelstvo — Legislation*. 2017. № 9. S. 48–56.

10. Nam K. Dopolnitelny'e obyazannosti storon v obyazatelstve [Additional Responsibilities of Parties in an Obligation] / K. Nam // *Khozyaystvo i pravo — Business and Law*. 2018. № 12. S. 11–21.

11. Nam K. Printsip dobrosovestnosti kak pravovoy printsip [The Good Faith Principle as a Legal Principle] / K. Nam // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiviya — Bulletin of Economic Justice*. 2020. № 2. S. 88–103.

12. Novitskiy I.B. Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatelstvennogo prava [The Good Faith Principle in a Draft of the Law of Obligations] / I.B. Novitskiy // *Vestnik grazhdanskogo prava — Civil Law Bulletin*. 1916. № 6. S. 56–90.

13. Panchenko P.V. Klassifikatsiya vidov sodeystviya storon obyazatelstva [A Classification of Types of the Assistance of Parties to an Obligation] / P.V. Panchenko // *Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice*. 2018. № 2. S. 92–98.

14. Sukhanov E.A. Reforma grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: balansy' i kompromissy' [A Reform of the Civil Code of the Russian Federation: Balances and Compromises] / E.A. Sukhanov // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo — Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law*. 2016. № 6. S. 20–36.

DOI:10.18572/2070-2140-2020-4-31-34

Проблемы правового регулирования использования цифровых технологий в деятельности саморегулируемых организаций

Минбалеев Алексей Владимирович,

заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

эксперт Российской академии наук,

доктор юридических наук, доцент

alexmin@bk.ru

Цифровые технологии становятся важнейшим стимулятором развития многих общественных отношений. Не исключением являются и сфера деятельности саморегулируемых организаций (далее — СРО) и механизм саморегулирования в целом. Ю.Г. Лескова справедливо указывает на целесообразность «внедрения новых информационных систем и технологий, которые действительно смогут оказать поддержку бизнес-проектам в строительной сфере и перейти на новый этап развития — цифровую экономику»¹.

¹ Лескова Ю.Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития стро-

ителной отрасли и правового регулирования // *Гражданское право*. 2018. № 5. С. 9–11.

Традиционно сегодня ученые ставят вопрос о двух ключевых точках пересечения институтов саморегулирования и цифровых технологий². Прежде всего это внедрение технологий в работу уже существующих механизмов саморегулирования, а также

² Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий : монография / под общ. ред. А.В. Минбалеева. Саратов : Амирит, 2019. С. 70–74.

возможные перспективы развития саморегулирования за счет тех или иных инструментов цифровизации. Использование отдельных цифровых технологий в отраслях, где уже существуют СРО, наиболее перспективно в строительной сфере, аудиторской и оценочной деятельности.

Второе направление — это саморегулирование в отдельных сферах предпринимательской деятельности на основе использования цифровых технологий, а также применительно к случаям возможных объединений профессиональных участников, деятельность которых непосредственно связана с созданием и использованием той или иной технологии (блокчейн, искусственный интеллект (далее — ИИ), большие данные, нейронные сети и т.п.). Возможности создания СРО в области использования отдельных цифровых технологий сегодня серьезно обсуждаются в России и реализуются за рубежом³. Сегодня в России отсутствуют специализированные СРО в этой области, но уже существует ряд ассоциаций, объединяющих участников отдельных сфер цифрового рынка и имеющих достаточно высокий потенциал для приобретения статуса СРО.

Конечно, развитие и усложнение общественных отношений, связанных с технологическим «сожитием» с цифровыми инновациями, порождает и иные проблемы. Так, сегодня мы можем говорить о цифровых конструкторах моделей саморегулирования. Современные технологии искусственного интеллекта на основе анализа существующего законодательства, моделей саморегулируемых организаций, опыта зарубежных стран могут выстраивать не просто модели видов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг), связанных с цифровыми технологиями, модели объединений субъектов профессиональной деятельности в области цифровых технологий, а полностью разрабатывать пакет стандартов и правил указанных видов деятельности, а также систему правил осуществления контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил.

Системы ИИ эффективно могут адаптировать имеющиеся правила функционирования саморегулируемых организаций под проектируемые решения по новым организациям. Так, успешно используются технологии парсинга, в процессе которого происходит копирование части чужого (чужих) сайтов и их использование, так же происходит и с правилами, стандартами с учетом особенностей той или иной предпринимательской или профессиональной деятельности. При этом, конечно, возникает вопрос и о возможности осуществления и управления рядом процессов как во вновь создаваемых, так и в существующих саморегулируемых организациях. Действительно, технологии обработки больших данных с использованием ИИ и нейронных сетей могут позволить осуществлять ряд управленческих решений, а также контроль за деятельностью членов СРО, в том числе: оперативно осуществлять передачу

информации о тех или иных нарушениях, проблемах в их деятельности, реагировать на эти или иные запросы о предоставлении отдельных данных и др. Возможно даже закрепление на уровне стандартов механизма автоматического включения в «черные» списки нарушителей, если будут соблюдаться ряд условий, определенных саморегулируемой организацией, а технические протоколы системы будут позволять доказывать наличие вины нарушителя. Внедрение такого правила возможно при условии наличия процедуры официального опаривания нарушителем такого факта.

Если рассмотреть функции СРО, согласно Федеральному закону «О саморегулируемых организациях», и возможности использования тех или иных цифровых технологий при реализации этих функций, то ряд из этих функций очень вписываются в описанную модель использования технологий ИИ. Например, с помощью ИИ, технологии блокчейн и иных цифровых технологий можно:

— разрабатывать условия членства субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности в СРО (СРО их в дальнейшем устанавливает);

— вести реестр членов СРО; осуществлять анализ деятельности своих членов на основании информации, представляемой ими в СРО в форме отчетов; получать, обрабатывать и реагировать на жалобы членов СРО; осуществлять контроль за предпринимательской или профессиональной деятельностью своих членов в части соблюдения ими требований стандартов и правил СРО, условий членства в СРО. С использованием технологий распределенного реестра, например технологии блокчейн, можно организовать публичный или иной реестр членов СРО, который бы соответствовал требованиям законодательства. Технологии ИИ обладают сегодня широкими возможностями анализировать отчеты, жалобы, обращения, составленные по специальным разработанным формам и регламентам, оперативно представлять результаты, контролировать соблюдение правил и реагировать на отчеты, отдельные решения и действия членов СРО тем или способом;

— применять меры дисциплинарного воздействия. На основе анализа отчетов и иных данных система автоматизированного контроля СРО с использованием ИИ может представлять необходимые данные в СРО по факту совершенных дисциплинарных, гражданско-правовых правонарушений для дальнейшего реагирования на них. Как уже ранее нами указывалось, возможно внедрение и автоматизированного применения мер ответственности для членов СРО;

— представлять интересы членов СРО в их отношениях с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления. На основе цифровых платформ органов власти и интегративных объединений, например ЕАЭС, СНГ, происходит интеграция СРО и их членов, через такие платформы СРО представляет интересы своих членов, осуществляет ряд операций. Цифровые платформы позволяют участвовать в обсуждении проектов нормативных правовых актов, государственных программ по вопросам, связанным с предметом саморегулирования, а также направлять в форме документов на бумажном носителе или в форме электронных документов, подписанных СРО, в органы власти заклю-

³ Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с. ; Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий.

чения о результатах проводимых СРО независимых экспертиз проектов нормативных правовых актов; вносить на рассмотрение органов государственной власти предложения по вопросам формирования и реализации соответственно государственной политики и осуществляемой органами местного самоуправления политики в отношении предмета саморегулирования; запрашивать в органах государственной власти Российской Федерации, органах государственной власти субъектов РФ и органах местного самоуправления информацию и получать от этих органов информацию, необходимую для выполнения СРО возложенных на нее федеральными законами функций, в установленном федеральными законами порядке;

— организация профессионального обучения и аттестации. Системы машинного обучения активно используются сегодня при осуществлении как обучения, так и аттестации работников на различные предметы. Такие возможности могут быть использованы и для работников СРО при их обучении и аттестации⁴.

Кроме того, СРО для обеспечения доступа к информации в соответствии с требованиями ст. 7 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» обязана создать и вести в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сайт, на котором обязана размещать ряд сведений. Современные цифровые технологии, в том числе ИИ, позволяют оперативно информировать о необходимости подготовки той или иной информации для размещения на сайте. Используя решения на базе ИИ, веб-сайт можно еще лучше адаптировать под потребности каждого отдельного посетителя. Такие технологии позволяют обеспечить и информационную открытость СРО и ее членов с учетом требований законодательства Российской Федерации и внутренних документов СРО.

Внедрение цифровых технологий уже активно реализуется в ряде СРО. Примером активного внедрения цифровых технологий в сфере, подвергающейся саморегулированию, является строительная отрасль. На основании Поручения от 19 июля 2018 г. Президента РФ № Пр-1235 «О модернизации строительной отрасли и повышении качества строительства» и Федерального проекта «Цифровое строительство» закреплено внедрение технологий информационного моделирования. Цифровизация при этом обеспечивается за счет применения технологий информационного моделирования — BIM (Building Information Modeling) — с использованием технологий виртуальной и дополненной реальности на этапе проектирования (экономия до 20% денежных средств и значительное сокращение сроков возведения объекта, сокращение сроков согласования разрешений)⁵. Также активно внедряется использование блокчейн-платформ для публичного размещения всей проектной и иной строительной документации, в связи с чем обеспечиваются публичная доступность, строительный контроль и управление качеством строительства на всех его стадиях⁶.

⁴ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

⁵ Орлов А.К., Тарасова Е.А. Преимущества информационных моделей при передаче в службу эксплуатации // Московский экономический журнал. 2019. № 3.

⁶ Цифровизация строительства: BIM, облачные IoT-платформы и приложения (с поддержкой 7D BIM и интеграцией с BMS/

Рассмотрим теперь проблему расширения предмета механизма саморегулирования и установления его для цифрового рынка.

СРО могут создаваться исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединения субъектов профессиональной деятельности определенного вида. В юридической науке поднимается вопрос, позволяют ли данные критерии участникам в сферах, основанных на использовании цифровых технологий, объединяться в СРО. Ставится также вопрос: что представляет собой использование цифровых технологий, можно ли рассматривать их как предпринимательскую деятельность определенного вида, как отрасль производства или рынок, профессиональную деятельность? Проблемным является и отсутствие законодательства о цифровых технологиях, которое продолжает оставаться по большей своей части на уровне проектов и тяжело интегрируется с существующими механизмами правовой системы России. Складывается ситуация, при которой развитие технологий может привести к положению в обществе, когда право уже не сможет контролировать технологическое развитие и окажется в заложниках цифровой трансформации, рискует подойти к ситуации коллапса и бездействия в целом ряде сфер общественных отношений, полностью обусловленных технологическими процессами. В этой связи механизм саморегулирования, бесспорно, может оказаться более гибким и позволит эффективно развиваться рынку цифровых технологий.

В условиях отсутствия законодательства о цифровых технологиях звучат предложения дополнить ст. 3 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в части расширения содержания предмета СРО. В частности, предлагается ввести возможность объединения формирующихся отраслей производства или рынка производственных товаров либо профессиональной деятельности определенного вида, которые не урегулированы действующим законодательством⁸. Однако в этом случае возникает проблема оценочности категории «формирующиеся отрасли производства или рынки производственных товаров». Кто будет определять, какие отрасли являются формирующимися, а какие нет? При решении такого подхода к регулированию важно будет предусмотреть механизм определения таких отраслей. Определенные трудности могут возникнуть при оценке того, что представляет собой «профессиональная деятельность определенного вида, не урегулированная действующим законодательством», поэтому в этом случае необходимы дополнительные механизмы, которые бы позволили четко определить неурегулированность профессиональной деятельности определенного вида⁹.

Полагаем, что решение вопроса должно быть осуществлено за счет специального расширения

BAS). URL: https://json.tv/ict_telecom_analytics_view/analiz-rynka-oblachnyh-iot-platform-i-prilozheniy-dlya-stroitelstva-s-podderjkoj-7d-bim-i-integratsiy-s-bmsbas-20181126070535 (дата обращения: 15.05.2020).

⁷ Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий. С. 72.

⁸ Там же. С. 71–72.

⁹ Там же. С. 72–73.

сферы саморегулирования за счет включения специальной сферы — области разработки, внедрения и эксплуатации (использования) цифровых технологий определенного перечня. Представляется, что особенности саморегулирования в области разработки, внедрения и эксплуатации (использования) цифровых технологий определенного перечня, в том числе блокчейн, искусственный интеллект, большие данные, нейронные сети, должны устанавливаться законодательством о цифровых технологиях. Соответствующее положение обязательно должно найти отражение в Федеральном законе «О саморегулируемых организациях».

Также возникает вопрос в связи с возможным регулированием использования отдельных цифровых технологий в рамках экспериментальных правовых режимов цифровых инноваций¹⁰. Насколько такой режим может быть реализован в рамках деятельности саморегулируемых организаций. Полагаем, что в случае действия экспериментального правового режима он должен быть приоритетным, и СРО должны учитывать это при формировании правил и стандартов. Соответствующие положения должны быть отражены и в Федеральном законе «О саморегулируемых организациях».

Важным аспектом в функционировании СРО в сфере цифровых технологий должны стать этические правила использования цифровых технологий, в первую очередь ИИ, блокчейна, нейронных сетей. Этические стандарты традиционно являются важнейшей основой и предпосылкой для формирования в будущем саморегулирования в той или иной области. В Российской Федерации мы также наблюдаем все предпосылки по развитию в данном направлении. Так, Институтом развития интернета (ИРИ) и Ассоциацией больших данных (АБД) в 2019 г. был принят Кодекс этики использования данных, который базируется на положениях и принципах законодательства Российской Федерации и международных актов¹¹. Кодекс представляет собой набор принципов профессиональной этики применительно к цифровым данным, отраслевых стандартов профессионального и этического поведения, которые участники рынка, действуя добросовестно и разумно, добровольно признают и обязуются соблюдать. «Кодекс призван стать основой для саморегулирования участников рынка данных при их взаимодействии с гражданами, юридическими лицами, государством и между собой. Саморегулирование в сфере обработки и использования данных представляет собой меру социальной ответственности участников рынка данных на основе норм деловой этики»¹². Его важной частью является Белая книга, в которой обобщаются примеры локальных актов, решений и действий участников кодекса¹³. Контролировать выполнение кодекса и пополнять Белую книгу лучшими практиками будет Совет по этике работы с данными.

¹⁰ Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровые инновации и проблемы развития механизма правового регулирования в России // Информационное право. 2019. № 4. С. 12–15.

¹¹ Кодекс этики использования данных. URL: <https://ac.gov.ru/files/content/25949/kodeks-etiki-pdf.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

¹² Там же.

¹³ Там же.

Представляется, что данный кодекс является важной частью в процессе развития саморегулирования в сфере цифровых технологий. Во многом он сможет стать основой для формирования объединений в сфере использования цифровых данных и найдет отражение в других этических кодексах и правовых актах.

Литература

1. Лескова Ю.Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования / Ю.Г. Лескова // Гражданское право. 2018. № 5. С. 9–11.
2. Орлов А.К. Преимущества информационных моделей при передаче в службу эксплуатации / А.К. Орлов, Е.А. Тарасова // Московский экономический журнал. 2019. № 3. С. 40.
3. Полякова Т.А. Цифровые инновации и проблемы развития механизма правового регулирования в России / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев // Информационное право. 2019. № 4. С. 12–15.
4. Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий : монография / под общей редакцией А.В. Минбалеева. Саратов : Амрит, 2019. 207 с.
5. Цифровое право : учебник / под общей редакцией В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. Москва : Проспект, 2020. 640 с.

References

1. Leskova Yu.G. Primenenie informatsionny`kh (tsifrovyy`kh) tekhnologiy v samoregulirovaniy kak uslovie razvitiya stroitelnoy otrasli i pravovogo regulirovaniya [The Application of Information (Digital) Technology in Self-Regulation as a Condition of the Development of the Construction Industry and Legal Regulation] / Yu.G. Leskova // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2018. № 5. S. 9–11.
2. Orlov A.K. Preimuschestva informatsionny`kh modeley pri peredache v sluzhbu ekspluatatsii [Advantages of Information Models in the Transfer to the Exploitation Service] / A.K. Orlov, E.A. Tarasova // Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal — Moscow Journal of Economics. 2019. № 3. S. 40.
3. Polyakova T.A. Tsifrovyy`e innovatsii i problemy` razvitiya mekhanizma pravovogo regulirovaniya v Rossii [Digital Innovations and Issues of the Development of the Legal Regulation Mechanism in Russia] / T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev // Informatsionnoe pravo — Information Law. 2019. № 4. S. 12–15.
4. Pravovoe regulirovanie tsifrovyy`kh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom. Rol i mesto pravovogo regulirovaniya i samoregulirovaniya v razvitii tsifrovyy`kh tekhnologiy : monografiya [The Legal Regulation of Digital Technology in Russia and Abroad. The Role and Place of the Legal Regulation and Self-Regulation in Digital Technology Development : monograph] / pod obschey redaktsiey A.V. Minbaleeva — under the general editorship of A.V. Minbaleev. Saratov : Amirit — Saratov : Amirit, 2019. 207 s.
5. Tsifrovoye pravo : uchebnik [Digital Law : textbook] / pod obschey redaktsiey V.V. Blazheeva, M.A. Egorovoy — under the general editorship of V.V. Blazheev, M.A. Egorova. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2020. 640 s.

Повестка дня общего собрания акционеров: некоторые проблемы правового регулирования

Мельникова Татьяна Витальевна,
доцент кафедры гражданского права
Сибирского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
mtv-10@mail.ru

Шалеева Юлия Владимировна,
доцент кафедры международного права
и сравнительного правоведения
Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова,
магистр юриспруденции, доцент
univer@khsu.ru

Согласно п. 10 ст. 49 Закона об акционерных обществах, решения общего собрания акционеров, принятые по вопросам, не включенным в повестку дня общего собрания акционеров (за исключением случая, если в нем приняли участие все акционеры общества), не имеют силы независимо от обжалования их в судебном порядке. Правило о ничтожности такого решения содержится также в п. 1 ст. 185.1 ГК РФ.

Соответственно, формирование повестки дня общего собрания представляет собой важнейший этап в процедуре подготовки общего собрания акционеров. Следует отметить, что, несмотря на детализацию этой процедуры в последние годы развития акционерного законодательства, остаются некоторые пробелы в ее правовом регулировании.

О.Н. Фомина, анализируя зарубежный опыт, указывает, что российское законодательство в отличие, например, от американского закрепляет за общим собранием акционеров-собственников участие в решении достаточно широкого круга вопросов, перечень которых носит исчерпывающий характер. В предпринимательских корпорациях США решение по абсолютному большинству вопросов принимается советом директоров, если иной порядок не установлен соглашением акционеров¹. Логично, что к повестке и организации общего собрания в США не предъявляется жестких законодательных требований. В России порядок подготовки и проведения общего собрания акционеров регламентирован более подробно.

Первая группа вопросов, остающихся актуальными в настоящее время, связана с толкованием п. 106 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 (далее — Постановление Пленума ВС № 25), согласно которому допускается возможность предъявления самостоятельных исков о признании недей-

ствительным ничтожного решения собрания; споры по таким требованиям подлежат разрешению судом в общем порядке по заявлению любого лица, имеющего охраняемый законом интерес в таком признании.

Возражение ответчика о том, что требование истца основано на ничтожном решении, оценивается судом по существу независимо от истечения срока исковой давности для признания этого решения недействительным². Причем, согласно п. 108 данного акта, такое решение не может быть конвалидировано.

В то же время в судебной практике вопрос о том, в какие сроки может быть обжаловано такое ничтожное решение, решается неоднозначно.

В соответствии с п. 112 Постановления Пленума ВС № 25 срок исковой давности для признания ничтожного решения собрания недействительным исчисляется по аналогии с правилами, установленными п. 5 ст. 181.4 ГК РФ (п. 1 ст. 6 ГК РФ). Однако, согласно п. 104 Постановления Пленума ВС № 25, правила главы 9.1 ГК РФ (которая включает ст. 181.4) применяются к решениям собраний постольку, поскольку законом или в установленном им порядке не предусмотрено иное.

Соответственно, возникает вопрос о том, какой срок исковой давности нужно применять: шестимесячный, установленный п. 5 ст. 181.4 ГК РФ, или трехмесячный в силу п. 7 ст. 49 Закона об акционерных обществах³.

В судебной практике по обжалованию ничтожных решений общего собрания хозяйственного общества, хотя и преобладает подход по применению шестимесячного срока⁴, существует и иная позиция —

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Например, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 ноября 2019 г. № Ф09-7017/2019, А60-67770/2018;

¹ Фомина О.Н. Правовое положение предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ. М.: Статут, 2018, 230 с.; Фомина О.Н. Роль общего собрания акционеров в системе управления российским акционерным обществом и предпринимательской корпорацией США // Законодательство. 2010. № 7. С. 79–87.

о необходимости применения срока исковой давности, определенного корпоративным законодательством⁵.

С учетом содержания указанных пунктов Постановления Пленума ВС № 25 и содержания п. 7 ст. 49 Закона об акционерных обществах следует сделать вывод о том, что последний распространяется исключительно на оспоримые решения. В то же время, по нашему мнению, отсутствует необходимость установления для обжалования ничтожных решений срока исковой давности, отличного по продолжительности от срока исковой давности по оспоримым решениям, тем более что такие решения недействительны независимо от признания их таковыми судом и, согласно п. 106 Постановления Пленума ВС № 25, «оцениваются судом по существу независимо от истечения срока исковой давности для признания этого решения недействительным».

Еще один вопрос, возникающий в связи с возможностью обжалования ничтожного решения общего собрания, в том числе в случаях, когда оно было принято по вопросам, не включенным в повестку дня, касается субъектов, которые вправе обжаловать это решение.

Как отмечалось выше, в силу п. 106 Постановления Пленума ВС № 25 таким субъектом может быть «любое лицо, имеющее охраняемый законом интерес в таком признании». Необходимо отметить, что ранее подобный вывод был сделан Конституционным Судом РФ⁶.

Так, в настоящее время существует судебная практика, которая относит к числу таких субъектов бенефициаров хозяйственного общества⁷. В то же время директор, не являющийся акционером общества, не признается лицом, «имеющим охраняемый законом интерес»⁸. По нашему мнению, это неправильное решение вопроса — несомненно, директор имеет охраняемый законом интерес, например, в случае принятия решения о его переизбрании.

Вторая группа проблем касается оснований для отказа совета директоров акционерного общества во включении вопросов в повестку дня по требованию акционеров. Эти основания закреплены в п. 5 ст. 53 Закона об акционерных обществах и имеют в соответствии с п. 27 Постановления Пленума ВАС № 19 исчерпывающий характер.

Вместе с тем практика показывает, что этот перечень нуждается в расширении.

Так, на практике совет директоров зачастую отказывает во внесении таких предложений в связи с непредставлением вместе с требованием о включении вопросов в повестку дня определенных в законодательстве документов. Более того, действующее законодательство возлагает на акционеров такую обязанность (например, согласно п. 2.6 Положения Банка России № 660-П⁹, в случае если предложение в повестку дня общего собрания или требование о проведении внеочередного общего собрания подписано представителем акционера, действующим в соответствии с полномочиями, основанными на доверенности, к такому предложению (требованию) должна прилагаться доверенность).

Вряд ли в таких случаях следует возлагать риск последствий невключения вопросов в повестку дня на членов совета директоров, в связи с чем необходимо дополнить п. 5 ст. 53 Закона об акционерных обществах еще одним основанием для отказа советом директоров в удовлетворении требования акционеров о включении предложенных вопросов в повестку дня — непредставление вместе с требованием определенных в законодательстве документов.

Существуют некоторые вопросы и в отношении уже закрепленных в п. 5 ст. 53 Закона об акционерных обществах оснований для отказа во включении предложенных вопросов в повестку дня.

Так, одним из оснований для отказа во включении вопроса в повестку дня является пропуск сроков, установленных п. 1 и 2 ст. 53 Закона об акционерных обществах: предложения о включении вопросов в повестку дня должны поступить в акционерное общество не позднее чем через 30 дней после окончания отчетного года, если уставом общества не установлен более поздний срок при подготовке к проведению годового общего собрания и за 30 дней до даты проведения внеочередного общего собрания акционеров, если уставом общества не установлен более поздний срок.

По мнению Н. Козловой, А. Киселева, «Закон об АО определяет не срок направления предложений акционерам, а срок, когда эти предложения должны поступить в общество. Это связано с необходимостью соблюдения надлежащей процедуры созыва годового общего собрания акционеров. Причем этот срок в п. 1 ст. 53 Закона об АО определен императивно, и к нему не применяются правила о переносе дня окончания срока в случаях, когда последний день срока приходится на нерабочий день (ст. 193 ГК РФ)»¹⁰.

По нашему мнению, ст. 193 ГК РФ (о переносе дня окончания срока) должна применяться и в данном случае, так как ряд предусмотренных п. 2.5 Положения Банка России «Об общих собраниях акционеров» способов определения даты поступления предложения в повестку дня предполагают совершение действий, которые могут быть осуществлены исключительно в рабочий день, например: вручение почтового отправления адресату под расписку, если предложение в повестку дня общего собрания или требование о проведении внеочередного общего со-

Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2017 г. по делу № А12-67459/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Например, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 октября 2019 г. № Ф06-53430/2019, А65-3737/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 404-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Например, Определение ВС РФ от 31 марта 2016 г. по делу № А40-104595/2014; Постановление АС Московского округа от 19 января 2017 г. № А40-104595/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Следует признать незаконной судебную практику, в соответствии с которой директор, не являющийся участником хозяйственного общества, не вправе обжаловать решения общего собрания. См.: Определение ВАС РФ от 23 сентября 2013 г. № ВАС-12966/13 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Положение Банка России от 16 ноября 2018 г. № 660-П «Об общих собраниях акционеров» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Козлова Н., Киселев А. Предложения в повестку дня ГОСА: какие права есть у акционеров? // Экономика и жизнь. 2018. 23 августа.

брания направлено заказным письмом или иным регистрируемым почтовым отправлением; вручение курьером, если предложение в повестку дня общего собрания или требование о проведении внеочередного общего собрания направлено через курьерскую службу; вручение, если предложение в повестку дня общего собрания или требование о проведении внеочередного общего собрания вручено под роспись. Кроме того, сама ст. 193 ГК РФ не содержит оговорки о возможности иного решения вопроса.

Следующая проблема связана с существующей коллизией между правовыми нормами, закрепленными, с одной стороны, в п. 7 ст. 53 и, с другой стороны, в п. 4 ст. 42 Закона об акционерных обществах.

Согласно п. 7 ст. 53 Закона об акционерных обществах, совет директоров (наблюдательный совет) общества не вправе вносить изменения в формулировки вопросов, предложенных для включения в повестку дня общего собрания акционеров, и формулировки решений по таким вопросам.

С другой стороны, согласно п. 4 ст. 42 Закона об акционерных обществах, размер дивидендов не может быть больше размера дивидендов, рекомендованного советом директоров (наблюдательным советом) общества.

По одному из дел арбитражный суд предложил следующее решение этой коллизии: «Акционер — владелец обыкновенных акций направил в наблюдательный совет предложение о включении в повестку дня годового общего собрания вопрос о выплате дивидендов по привилегированным акциям в размере, определенном уставом акционерного общества. Наблюдательный совет принял решение включить этот вопрос в повестку дня, но определил размер дивидендов, подлежащих выплате, в меньшем размере. Арбитражный суд удовлетворил иск акционера о признании недействительным решения совета директоров об утверждении повестки дня и решения общего собрания акционеров по вопросу о выплате дивидендов.

Арбитражный суд, в частности, указал на нарушение наблюдательным советом п. 7 ст. 53 Закона об АО, злоупотребление правом по формированию и утверждению повестки дня, что привело к ограничению права акционера на выбор решения по вопросам повестки дня...»¹¹

Таким образом, арбитражный суд косвенно признал приоритет правовой нормы, закрепленной в п. 7 ст. 53 Закона об акционерных обществах. Очевидно, это правильное решение вопроса: принцип демократии должен превалировать в корпоративном юридическом лице. Совет директоров имеет возможность представить свои рекомендации с обоснованием необходимости выплаты дивидендов в меньшем предложенном акционерами размере при проведении общего собрания. Соответственно, акционеры имеют возможность принять решение с учетом данных рекомендаций, учитывая информацию о том, как выплата дивидендов повлияет на судьбу корпорации.

Таким образом, в целях разрешения анализируемой коллизии необходимо исключить п. 4 ст. 42 Закона об акционерных обществах.

Наконец, дискуссионным является и вопрос о способах защиты в случае необоснованного отказа во включении предложения в повестку дня.

Необходимо отметить, что последствиями необоснованного отказа во включении вопросов в повестку дня являются как гражданско-правовая, так и административно-правовая ответственность. Так, акционерное общество привлекается к административной ответственности по ч. 1 ст. 15.23.1 КоАП РФ, а члены совета директоров могут быть привлечены к солидарной ответственности в размере административного штрафа, уплаченного акционерным обществом¹².

Что касается гражданско-правовых способов защиты при необоснованном отказе совета директоров во включении вопросов в повестку дня, то, согласно п. 6 ст. 53 Закона об акционерных обществах, в случае принятия советом директоров (наблюдательным советом) общества решения об отказе во включении предложенного вопроса в повестку дня общего собрания акционеров или кандидата в список кандидатур для голосования по выборам в соответствующий орган общества либо в случае уклонения совета директоров (наблюдательного совета) общества от принятия такого решения акционер вправе обратиться в суд с требованием о понуждении общества включить предложенный вопрос в повестку дня общего собрания акционеров или кандидата в список кандидатур для голосования по выборам в соответствующий орган общества.

В то же время, согласно п. 27 Постановления Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»», при рассмотрении дела о признании недействительным решения совета директоров (наблюдательного совета) об отказе во включении предложенного акционером вопроса в повестку дня общего собрания акционеров или кандидата в список для голосования по выборам в совет директоров (наблюдательный совет) и иные органы (ст. 53 Закона), а также об отказе в созыве внеочередного общего собрания акционеров по требованию лиц, указанных в ст. 55 Закона, необходимо учитывать, что перечень оснований для отказа, содержащийся в п. 5 ст. 53 Закона и п. 6 ст. 55 Закона, является исчерпывающим¹³.

Соответственно, на практике формулируются иски о признании недействительным решения совета директоров об отказе во включении вопросов в повестку дня¹⁴, которое может сопровождаться требованием о включении соответствующих вопросов в повестку дня¹⁵, о признании незаконным отказа совета директоров включить вопрос в повестку

¹² Например, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 октября 2019 г. № Ф07-12610/2019, А66-191/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Например, Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31 января 2019 г. № Ф10-6008/2018, А35-1626/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Например, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 декабря 2018 г. № Ф07-14520/2018, А56-18705/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 марта 2018 г. № Ф06-30630/2018, А57-14558/2016. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f8062c96-399d-4cdf-82c3-9d71564f637f>

дня, о понуждении к включению вопроса в повестку дня¹⁶.

Очевидно, что наиболее логичным является подход, в соответствии с которым предъявляются одновременно требования как о признании недействительным соответствующего решения совета директоров, так и о включении соответствующих вопросов в повестку дня.

Необходимо отметить, что данный способ защиты может быть использован исключительно в случае, когда общее собрание, решение об отказе исключить вопросы в повестку дня которого принято советом директоров, еще не проведено. Судебная практика идет по тому пути, что, если данный вопрос не был предметом рассмотрения на уже состоявшемся общем собрании акционеров, это не лишает участника права требовать проведения общего собрания с включением этого вопроса в повестку дня¹⁷.

Таким образом, правовое регулирование повестки дня общего собрания акционеров, а также судебная практика по применению этого законодательства нуждаются в некотором совершенствовании.

Литература

1. Козлова Н. Предложения в повестку дня ГОСА: какие права есть у акционеров? / Н. Козлова, А. Киселев // Экономика и жизнь. 2018. 23 августа.

¹⁶ Например, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2013 г. № 15АП-7517/2013. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6f19aa5c-8f82-4bea-8d1f-7e414f4ae3b9>

¹⁷ Решение Арбитражного суда Московской области от 23 ноября 2017 г. по делу № А41-73479/17. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/NW2xCEIbwIX/>

2. Фомина О.Н. Правовое положение предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / О.Н. Фомина. Москва: Статут, 2018. 230 с.

3. Фомина О.Н. Роль общего собрания акционеров в системе управления российским и иностранном обществом и предпринимательской корпорацией США / О.Н. Фомина // Законодательство. 2010. № 7. С. 79–87.

References

1. Kozlova N. Predlozheniya v povestku dnya GOSA: kakie prava est u aktsionerov? [Proposals for an Agenda of a General Meeting of Shareholders: What Rights Shareholders Have] / N. Kozlova, A. Kiselev // Ekonomika i zhizn. 2018. 23 avgusta — Economy and Life. 2018. August 23.

2. Fomina O.N. Pravovoe polozhenie predprinimatelskoy korporatsii v SSHA i aktsionernogo obschestva v Rossiyskoy Federatsii: sravnitelno-pravovoy analiz [The Legal Position of an Entrepreneurial Corporation in the USA and a Joint-Stock Company in the Russian Federation: A Comparative Law Analysis] / O.N. Fomina. Moskva: Statut — Moscow: Statute, 2018. 230 s.

3. Fomina O.N. Rol obschego sobraniya aktsionerov v sisteme upravleniya rossiyskim aktsionernym obschestvom i predprinimatelskoy korporatsiey SSHA [The Role of a General Meeting of Shareholders in the System of Management of a Russian Joint-Stock Company and an Entrepreneurial Corporation in the USA] / O.N. Fomina // Zakonodatelstvo — Legislation. 2010. № 7. S. 79–87.

DOI:10.18572/2070-2140-2020-4-38-41

Современные тенденции развития законодательства о саморегулируемых организациях в сфере строительства в Российской Федерации и государствах — членах Евразийского экономического союза

Олейник Елена Викторовна,

доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук

levole@mail.ru

38

Рассмотрение современных тенденций развития национального законодательства о саморегулируемых организациях (далее — СРО) в сфере строительства стран Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) видится актуальным по следу-

ющим аспектам: сфера строительства — это важная, быстроразвивающаяся отрасль экономики; анализ национального законодательства необходим для дальнейшей гармонизации и унификации права в рамках ЕАЭС; вопрос о саморегулировании является

предметом научных исследований и дискуссий¹ в разных странах. Для точного определения современных тенденций развития необходимо охарактеризовать состояние правового регулирования института саморегулирования всех стран — участниц ЕАЭС: общее объединяющее начало и их различия.

В Докладе «Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России» обозначены приоритетные направления международной интеграции и экономического сотрудничества, согласованной политики ЕАЭС в ключевых секторах экономики, таких как транспорт, транспортно-логистическая система на пространстве ЕАЭС, энергетика, промышленность, сельское хозяйство и др.² Строительство³ не указывается в качестве приоритетной отрасли, однако говорится о перспективах возведения совместных объектов на территории ЕАЭС, в частности овощехранилищ, элеваторов и других объектов близ границ государств, строительство дорог и др.⁴

На сайте Евразийской экономической комиссии опубликованы сектора экономики, в которых уже на сегодняшний момент функционирует единый рынок услуг в рамках ЕАЭС⁵, в том числе и в сфере строительства: опубликован Перечень видов работ по инженерным изысканиям, архитектурно-строительному проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства в отношении секторов (подсекторов) услуг, поименованных в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110⁶, а также обозначены отдельные виды работ, например общие строительные работы для возведения зданий любого предназначения (за исключени-

ем услуг в отношении особо опасных и технически сложных объектов капитального строительства, а также связанных с сохранением объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)); общие строительные работы по сооружению объектов гражданского строительства (дороги, производственные и спортивные сооружения и иные объекты) (за исключением услуг в отношении особо опасных и технически сложных объектов капитального строительства, а также связанных с сохранением объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)); сборка и возведение зданий из готовых конструкций и работа по монтажу оборудования (за исключением услуг в отношении особо опасных и технически сложных объектов капитального строительства, а также связанных с сохранением объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)); строительные и отделочные работы завершающего цикла (за исключением услуг в отношении особо опасных и технически сложных объектов капитального строительства, а также связанных с сохранением объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)) и др.

На уровне государств — участников СНГ действует множество актов в области строительства, например Протокольное решение Экономического совета Содружества Независимых Государств от 13 декабря 2013 г. «О соблюдении требований по охране окружающей среды при проектировании, строительстве и эксплуатации международных автомобильных дорог СНГ»⁷, Постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 31 октября 2007 г. № 29-7 «О Модельном законе «О саморегулируемых организациях»»⁸ и др.

В законодательстве Российской Федерации закреплено, что субъекты, осуществляющие деятельность в градостроительной отрасли, должны быть членами саморегулируемой организации. Саморегулирование — это современный, значимый, эффективный инструмент обеспечения качества и безопасности в строительстве, заменивший лицензирование. Данные изменения были направлены на повышение качества работ, выполняемых строительными организациями, ликвидацию компаний, которые не функционируют (в том числе фирм-«однодневок»), устранение неквалифицированных и недобросовестных участников, а также минимизацию присутствия государства в бизнесе и др. Р.Ш. Касымов отмечает, что «по сути, деятельность саморегулируемой организации заключается в упорядочении осуществляемых участниками действий, установлении пределов их допустимости и условий осуществления, контроле за участниками и наказании последних за отступление от предусмотренных правил, при этом сама организация не вправе осуществлять предпринимательскую деятельность»⁹.

Вопросы СРО в России регулируются не только Градостроительным кодексом РФ (далее — ГрК РФ)¹⁰,

¹ См. подробнее: Крултый стол «Социальные и правовые механизмы деятельности саморегулируемых организаций в сфере строительства». Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 21.11.2019; Научная конференция «Практическое саморегулирование». URL: <https://skdo.ru/newslinks/chto-obsuzhdalos-na-konferencii-prakticheskoe-samoregulirovanie.html> (дата обращения: 08.05.2020).

² См. подробнее: Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, утверждена распоряжением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 9; Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 9–12 апреля 2019 г. / Т.В. Бордачев, К.О. Вишневецкий, М.К. Глазатова и др.; отв. ред. Т.А. Мешкова; Нац. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2019.

³ В данной статье автором термин «строительная деятельность» (отрасль, сфера деятельности) понимается в широком значении. В законодательстве разграничены понятия «строительная деятельность», «градостроительная деятельность», «архитектурно-строительное проектирование», «строительство», «инженерные изыскания» и др.

⁴ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утв. Правительством Российской Федерации 29 сентября 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/sms/fsms/Pages/fsms.aspx>

⁶ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/sms/fsms/Documents/Перечень%20в%20сфере%20строительства.pdf>

⁷ Документ вступил в силу 13 декабря 2013 г. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Информационный бюллетень. Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 41. С. 144–172.

⁹ Касымов Р.Ш. Корпоративная координация экономической деятельности // Юрист. 2014. № 16. С. 11–15.

¹⁰ СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

но и специальным законом — Федеральным законом № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее — Закон о СРО)¹¹ и подзаконными нормативными актами, например Письмом Ростехнадзора от 29 ноября 2019 г. № 09-01-04/9392 «О членстве в саморегулируемой организации при выполнении проектно-изыскательских работ»¹². Наблюдаются «противоречия общего и специального законодательства при соотношении норм Закона о СРО и ГрК РФ. В рамках правового режима саморегулирования сложилась дифференциация на: а) общий режим саморегулирования (определен Законом о СРО); б) специальный режим саморегулирования, в рамках которого правовое обеспечение саморегулирования осуществляется: Законом о СРО с особенностями, установленными специальным законодательством, либо только специальным законодательством»¹³.

В Республике Беларусь на сегодняшний день деятельность в строительной сфере регулируется указами Президента и подзаконными нормативными актами, в которых закреплены требования о сертификации строительных работ, аттестации соответствия строительной организации требованиям закона, и лицензирование, т.е. полный контроль со стороны государства. Отсутствует законодательное закрепление саморегулирования, однако Проект закона о саморегулируемых организациях вынесен на публичное обсуждение¹⁴. Еще в 2017 г. Президент Республики Беларусь в Декрете указывал на важность «саморегулирования бизнеса и минимизации вмешательства» со стороны государства в предпринимательскую и иную экономическую деятельность¹⁵. Многие авторы положительно относятся к принятию специального закона, «саморегулирование поможет выигрывать конкуренцию на едином рынке услуг ЕАЭС»¹⁶. В связи с реализацией Договора о создании Евразийского экономического союза Россией 28 ноября 2014 г. подписано Соглашение о двустороннем сотрудничестве между Минстроем России и Минстройархитектуры Республики Беларусь¹⁷, заложившее основы по созданию и регулированию общего рынка инженерных изысканий, проектирования и строительства в этих странах.

В Республике Казахстан в строительной отрасли действует специальное законодательство: законы Республики Казахстан «О саморегулировании»¹⁸,

«Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан»¹⁹, «О разрешениях и уведомлениях»²⁰, «О техническом регулировании» и др., подзаконные акты. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2013 г. № 1509 утверждена Концепция по реформированию нормативной базы строительной сферы в стране²¹, в связи с тем что в градостроительной области действуют более двух с половиной тысяч нормативных актов.

Согласно законам Республики Казахстан «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан», «О разрешениях и уведомлениях», деятельность в данной сфере подлежит лицензированию. Таким образом, закон о саморегулировании в этой отрасли не применяется. Закон имеет ограниченную сферу деятельности²². Однако создано профессиональное сообщество в лице профессионального объединения аккредитованных экспертных организаций «Палата экспертных организаций»²³, которая изучает, анализирует имеющийся опыт других стран о саморегулировании в сфере строительства.

Градостроительная, строительная деятельность подлежит лицензированию: в Республике Армения согласно Закону «О лицензировании»²⁴; в Кыргызской Республике на основании Закона «О лицензионно-разрешительной системе в Кыргызской Республике»²⁵.

Таким образом, на сегодняшний день только в Российской Федерации действует институт саморегулирования в строительной сфере; в других странах закреплено обязательное лицензирование, и регулятивные функции в данном вопросе отданы государству. В связи с этим следует согласиться с Ю.Г. Лесковой, которая отмечает, что «саморегулирование позиционируется в доктрине как разновидность нормотворчества, по внутреннему содержанию аналогичная государственному регулированию, с тем лишь отличием, что оно осуществляется частноправовыми субъектами, а не государственными или муниципальными органами»²⁶.

На практике возникают следующие вопросы: 1) можно ли российским строительным компаниям работать в других странах ЕАЭС по российскому свидетельству о допуске саморегулируемой органи-

¹¹ СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

¹² Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. 2020. № 1.

¹³ См. подробнее: Ершова И.В. Общие и специальные нормы в правовом обеспечении саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 3–9.

¹⁴ URL: <http://www.pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2019/november/41899/>

¹⁵ См. подробнее: Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» // СПС «Законодательство стран СНГ».

¹⁶ URL: <http://ced.by/ru/publication/opinions/~shownews/samoregulirovanie-cenka>

¹⁷ URL: <https://www.minstroyrf.ru/press/minstroy-rossii-i-minstroyarkhitektury-belorussii-podpisali-soglasenie-о-sotrudnichestve/>

¹⁸ Закон Республики Казахстан от 12 ноября 2015 г. № 390-V «О саморегулировании» // Казахстанская правда. 2015. 14 ноября.

¹⁹ Закон Республики Казахстан от 16 июля 2001 г. № 242-II // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2001. № 17–18. Ст. 243.

²⁰ Закон Республики Казахстан от 16 мая 2014 г. № 202-V // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 9 (2658). Ст. 51.

²¹ URL: <https://online.zakon.kz/>

²² Ершова И.В. Общие и специальные нормы в правовом обеспечении саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 3–9.

²³ Подробнее см.: URL: <https://atameken.kz/ru/articles/32234-samoregulirovanie-v-stroitel-noj-otrasli-za-ili-protiv>

²⁴ Закон Республики Армения от 27 июня 2001 г. № ЗР-193 «О лицензировании» // СПС «Законодательство стран СНГ».

²⁵ Закон Кыргызской Республики от 19 октября 2013 г. № 195 «О лицензионно-разрешительной системе в Кыргызской Республике» // Эркин Тоо. 2013. 29 октября.

²⁶ Лескова Ю.Г. Саморегулирование как проявление метода частного права // Гражданское право. 2010. № 4. С. 10.

зации? Согласно закону получается, что нет. Нужно получить соответствующий разрешающий документ (лицензию) на осуществление деятельности на территории этой страны; 2) могут ли строительные компании, получившие лицензии на территории других стран ЕАЭС, работать в России? 27 марта 1997 г. было подписано Соглашение о взаимном признании лицензий на осуществление строительной деятельности, выдаваемых лицензионными органами государств — участников Содружества Независимых Государств, на основании которого лицензиары сторон взаимно признают выданные ими лицензии на отдельные виды строительной деятельности, по которым у них порядок выдачи лицензий эквивалентен, путем оформления и выдачи лицензиату соответствующей национальной лицензии. Однако Распоряжением Правительства РФ от 31 января 2009 г. № 92-р²⁷ было принято решение о выходе России из этого Соглашения. Таким образом, иностранная организация может осуществлять строительную деятельность при условии вступления в члены СРО и получения соответствующего допуска. Согласно п. 3 ст. 55.6 ГрК, иностранное юридическое лицо может вступить в члены СРО в субъекте Российской Федерации, имеющем общую границу с этим субъектом. На практике возникает вопрос о признании иностранных документов в России, которые подаются для вступления в члены СРО.

Если обратиться к зарубежному законодательству, то СРО — распространенная форма в странах Европы, США, Канаде. В Европейском союзе действуют единые требования, стандарты в строительной сфере, применяемые на всей территории Союза.

Проанализировав наднациональное и национальное законодательство государств — участников ЕАЭС, автор пришел к следующим выводам.

1. Как показывает опыт России и зарубежных стран, саморегулируемые организации успешно действуют во многих отраслях экономики. Поэтому переход от лицензирования к саморегулированию в строительной сфере во всех странах ЕАЭС видится автору прогрессивной мерой.

2. Строительная отрасль на пространстве ЕАЭС пока не является сферой наднационального регулирования и остается в сфере национальной компетенции государств-членов. Необходима гармонизация нормативного правового регулирования государств — членов ЕАЭС в сфере строительства, что потребует дальнейшей детальной работы по анализу нормативной правовой базы каждой страны ЕАЭС.

3. Ведение единого допуска к строительной деятельности в ЕАЭС находится в ближайших планах. На сегодняшний день есть вопросы в сфере строительства, в которых уже работает единый рынок услуг (ЕРУ).

4. Автор приходит к выводу о важности членства в СРО строительных организаций, работающих на тер-

²⁷ Распоряжение Правительства РФ от 31 января 2009 г. № 92-р «О намерении Российской Федерации не становиться участником Соглашения о взаимном признании лицензий на осуществление строительной деятельности, выдаваемых лицензионными органами государств — участников СНГ, подписанного в г. Москве 27.03.1997» // СЗ РФ. 2009. № 6. Ст. 759.

ритории ЕАЭС. Как видится, возможно вступление в члены СРО любого государства стран ЕАЭС, отвечающего закрепленным в специальном нормативном акте (акт наднационального законодательства, совместное соглашение, договор и др.) требованиям. В дальнейшем видится необходимость разработки специальных общих требований и механизмов вступления в члены СРО, процедуры признания документов, выдаваемых в странах — участниках ЕАЭС, которые подаются для получения членства в СРО; законодательного закрепления единой процедуры получения свидетельства о допуске СРО.

Литература

1. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России : доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. / Т.В. Бордачев, К.О. Вишневецкий, М.К. Глазатова [и др.] ; ответственный редактор Т.А. Мешкова. Москва : Высшая школа экономики, 2019. 123 с.

2. Ершова И.В. Общие и специальные нормы в правовом обеспечении саморегулирования / И.В. Ершова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 3–9.

3. Касымов Р.Ш. Корпоративная координация экономической деятельности / Р.Ш. Касымов // Юрист. 2014. № 16. С. 11–15.

4. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как проявление метода частного права / Ю.Г. Лескова // Гражданское право. 2010. № 4. С. 8–11.

References

1. Evraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya: perspektivy` razvitiya i strategicheskie zadachi dlya Rossii : doklad k XX Aprelskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obschestva, Moskva, 9–12 aprelya 2019 g. [The Eurasian Economic Integration: Development Prospects and Strategic Tasks for Russia : a speech to the XX April international scientific conference on economy and society development issues, Moscow, April 9 to 12, 2019] / T.V. Bordachev, K.O. Vishnevskiy, M.K. Glazatova [i dr.] ; otvetstvenny`y redaktor T.A. Meshkova — T.V. Bordachev, K.O. Vishnevskiy, M.K. Glazatova [et al.] ; publishing editor T.A. Meshkova. Moskva : Vysshaya shkola ekonomiki Moscow : Higher School of Economics, 2019. 123 s.

2. Ershova I.V. Obschie i spetsialny`e normy` v pravovom obespechenii samoregulirovaniya [General and Special Provisions in the Legal Support of Self-Regulation] / I.V. Ershova // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2015. № 4. S. 3–9.

3. Kasymov R.Sh. Korporativnaya koordinatsiya ekonomicheskoy deyatel'nosti [Corporate Coordination of Economic Operations] / R.Sh. Kasymov // Yurist — Lawyer. 2014. № 16. S. 11–15.

4. Leskova Yu.G. Samoregulirovanie kak proyavlenie metoda chastnogo prava [Self-Regulation as a Manifestation of the Private Law Method] / Yu.G. Leskova // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2010. № 4. S. 8–11.

DOI:10.18572/2070-2140-2020-4-42-45

Особенности рассмотрения групповых исков в правовой семье прецедентного права

Вологин Сергей Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
marksulla@yandex.ru

В рамках анализа особенностей рассмотрения групповых исков в правовой семье прецедентного (общего) права стоит указать, что англосаксонская правовая семья является одной из самых распространенных в мире. Она взята за основу национальных правовых систем таких государств, как Англия, США, Канада, Австралия, Северная Ирландия, Новая Зеландия и др. Основным источником права данной правовой системы является судебный прецедент, под которым принято понимать вступившее в силу судебное решение, фактически используемое в качестве образца при рассмотрении аналогичных обстоятельств.

При этом следует акцентировать внимание на длительном периоде формирования прецедента судов высшей инстанции и прочих особенностях рассмотрения группового иска. В частности, групповой иск по делу Теодора Франка против Паломы Гаос¹ начал рассматриваться в США с 2010 г. и задействовал внушительную группу истцов (более 10 млн человек) по делу о нарушении прав на тайну персональных данных владельцами веб-ресурса. При этом одним из основных вопросов в рамках разрешения спора оказалось согласование размера гонорара успеха (выплат юристам выигравшей стороны), хотя сумма компенсации за нарушенное право группы истцов была уже определена и в основном выплачена².

То есть ключевой особенностью рассмотрения групповых исков в правовой семье прецедентного права является наличие определенных правил, доктрины принятия соответствующего прецедента в странах с приоритетным развитием общего права, которые характеризуются длительным периодом формирования прецедента, поддержкой интереса юристов с отходом от первоначальной цели защиты прав группы лиц.

Стоит также обратить внимание на различия процедур защиты группового иска в странах общего права. Например, коллективно-диспозитивное содержание группового иска отображается на исходной стадии вхождения в исковую группу посредством двух общеизвестных моделей вовлечения участников такой группы в судебный процесс (*opt-in* или «выбор в пользу присоединения» к составу исковой группы и *opt-out* или «выбор в пользу выхода» из исковой группы³):

— в первой исковой модели *opt-in* лицо может войти в исковую группу и приобрести статус ее участника, если для этого будет выражена его воля (используется в английском праве)⁴;

— во второй модели *opt-out* потенциальный участник исковой группы предполагается изначально в ее составе, если не выразит противную волю нежелания быть участником группового иска, что используется в американском праве наделением суда полномочием исключения участника из состава исковой группы, если участник заявит об этом суду.

В этой связи следует добавить, что активное развитие в английском судопроизводстве представительских механизмов происходило еще в системе канцелярских судов, в которой и были разработаны основы рассматриваемой конструкции группового иска в целях минимизации судебных издержек, сохранившиеся в настоящее время. Так, при использовании в данной конструкции иска о признании права (*bill of peace*) частное лицо имеет в настоящее время возможность инициировать начало рассмотрения дела с вхождением других участников в исковую группу от имени заинтересованных лиц, которые находятся в схожей ситуации. Для этого обозначено важное правило-исключение из общепринятых норм преюдиции судебного решения: в рамках рассмотрения группового иска юридическое последствие такого разбирательства распространяется на каждого участника исковой группы. Такое исключение устранило главный формальный барьер для защиты группового иска в виде обяза-

¹ Theodore H. Frank et al. v. Paloma Gaos et al. 17-961. URL: https://www.supremecourt.gov/oral_arguments/argument_transcripts/2018/17-961_j42k.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

² Attorneys for Plaintiffs and the Putative Class United States District Court Northern District Of California San Jose Division. Paloma Gaos, Anthony Italiano, and Gabriel Priev individually and on behalf of all others similarly situated, Plaintiffs, v. GOOGLE INC., a Delaware corporation, Defendant. CaseNo. 5:10-CV-4809-EJD. URL: <https://cei.org/sites/default/files/CCAF%20-%20Google%20-%20Referrer%20Plaintiffs%20Motion%20for%20Fees%20-%202007252014.pdf>. (дата обращения: 20.05.2020).

³ Забродин Д.М. Групповые иски в гражданском процессуальном праве России: проблема порядка присоединения к группе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 9. С. 65–68.

⁴ Долгачев В.В. «Opt-in» против «opt-out»: две различные модели формирования группы в групповом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 1. С. 20–24.

тельного активного соучастия в процессе, что сопровождается трудностью привлечения к делу каждого заинтересованного лица и внезапного отказа от участия в исковой группе в ходе процесса⁵.

Одной из особенностей рассмотрения групповых исков в правовой семье прецедентного права важно отметить применение в конструкции группового иска специального исключения преюдициального характера относительно распространения судебного решения на каждого участника исковой группы.

Однако в настоящее время указанная ранее особенность преюдиции и действие норм частей 19, 23 CPR 1998⁶ по защите группового (репрезентативного) иска в Англии не применяются, поскольку 18 ноября 2010 г. Апелляционный суд при рассмотрении дела (Civ 1284⁷) отклонил попытку привлечь соистцов (представителей) в групповой иск о возмещении ущерба от корпорации из-за отсутствия достаточных аргументов для четкого определения судом состава исковой группы.

Вместе с этим в октябре 2018 г. Высокий суд Лондона заблокировал попытку возбудить судебный групповой иск против Google Alphabet Inc по поводу нарушения конфиденциальности персональных данных более чем 4 млн пользователей iPhone, при этом суд указал на противоправные действия ответчика, но отклонил ходатайство Ричарда Ллойда, организатора группового иска с требованиями от Google нескольких сотен долларов за ущерб каждому пострадавшему пользователю, поскольку заявленные в претензии факты не подтверждают, что Р. Ллойд или кто-либо, кого он представляет в иске, потерпели убытки⁸.

Следовательно, практической (негативной) особенностью рассмотрения групповых исков в Великобритании следует указать прецедент отказа в формировании исковой группы из-за отсутствия достаточных аргументов для четкого определения судом ее состава, а также факт отказа в регистрации группового иска в силу неустановления суммы ущерба участников группы, что создает определенные трудности для реализации частей 19, 23 CPR 1998 и защиты группового (репрезентативного) иска в Англии.

В США в соответствии с п. 23 Федеральных норм гражданского процесса⁹ установлено схожее

с английским и более объемное регулирование, поскольку один (несколько) участников группы может искать либо отвечать как представитель группы, если соблюдены следующие условия:

- группа настолько многочисленна, что привлечение в суд всех членов стало бы непрактичным;
- имеют место вопросы квалификации или установления обстоятельств, общих для всей исковой группы;
- возражения (требования) в группе типичны для всех ее участников;
- представитель (группа лиц) обеспечит адекватную и справедливую защиту группового интереса.

То есть американской особенностью правоприменения группового иска в странах общего права стоит выделить введение обязательных признаков принятия группового иска (многочисленность группы, общие обстоятельства иска, типичные требования всех участников, справедливая защита представителем группового интереса).

Часто институт группового иска используется в странах обычного права для защиты группового (общественного) интереса от вредных последствий применения опасных технологий: например, при загрязнении окружающей среды и применении вредного материала в строительстве и т.п.

Так, в силу широкого применения в 60–70-х годах XX в. в строительстве асбеста, вредного для здоровья, получила распространение категория групповых исков к строительной компании, продавцу и производителю данного материала¹⁰.

Таким образом, технологической особенностью правоприменения групповых исков в странах общего права является обычное использование таких исков для защиты групповых интересов в связи с вредными последствиями от применения опасных технологий.

Несмотря на широкое применение в США группового иска, его реализация является одной из самых дискуссионных проблем в гражданском судопроизводстве, что предопределяет частую критику и преобразования законодательства в этой сфере. Так, в 2005 г. был принят Закон о справедливости группового иска (Class Action Fairness Act¹¹), нормы которого в определенной степени ограничили возможности использования группового иска¹².

Требованиями указанного документа была расширена юрисдикция федеральных судов с передачей в их компетенцию разрешения групповых исков, сумма которых более пяти миллионов долларов, а состав группы включает от 100 человек. Также этим актом установлен четкий порядок формирования размера вознаграждения адвокатов (представителей).

¹⁰ White M.J. Asbestos Litigation: Procedural Innovations and Forum Shopping // The Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 35 (2). P. 367–368.

¹¹ Class Action Fairness Act of 2005 (CAFA). Page 118 STAT. 4. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-109publ2/html/PLAW-109publ2.htm> (дата обращения: 20.05.2020).

¹² Resnik J. Whither and Whether Adjudication? // Boston University Law Review. 2006. № 86. P. 1125.

⁵ Журбин Б.А. Процессуальные особенности рассмотрения судами дел по групповым и производным искам : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 34.

⁶ Civil Procedure Rules (CPR), 1998. Practice Direction 19b — Group Litigation. URL: <http://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil> (дата обращения: 20.05.2020).

⁷ Emerald Supplies Limited & Anor v British Airways [2010] EWCA Civ 1284. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2010/1284.html> (дата обращения: 20.05.2020).

⁸ Holden M., Busvine D. Mass action against Google over iPhone data blocked by London court. URL: <https://www.reuters.com/article/us-britain-google-court/london-court-blocks-google-mass-legal-action-over-iphone-data-collection-idUSKCN1MI0SO?feedType=RSS&feedName=topNews> (дата обращения: 20.05.2020).

⁹ Federal Rules of Civil Procedure as amended to February 1, 1992. West Publishing Co. St. Paul, Minn. 1992. P. 43.

В этой связи исследователи отмечают, что в целом американское развитие института группового иска сопровождается более четким регулированием всех стадий судопроизводства по делам в этой области относительно либеральной модели, регламентированной Правилами гражданского судопроизводства 1938 г.¹³

Нормативной особенностью правоприменения группового иска в странах общего права важно отметить современное направление детализации каждого элемента американского института группового иска (американский вектор снижения уровня либеральности).

Следует сказать, что функциональная особенность правоприменения групповых исков в странах общего права обусловлена установлением в Англии шести основных целей института защиты коллективного интереса: пропорциональности, предсказуемости, доступа к правосудию, экономии, превенции, справедливости¹⁴.

Важным вопросом защиты коллективного интереса является субъектный состав лиц, наделенных полномочиями выступать в защиту коллективного интереса. В общем праве от имени группы традиционно выступает истец, что объясняется исходным принципом диспозитивности англосаксонского права, согласно которому истцы свободны в самостоятельной оценке своих требований и в выборе способа разрешения спора, который соответствует наилучшим образом достижению желаемой цели. Поэтому в части 19 (b) о групповом судебном разбирательстве CPR 1998¹⁵ определяется, что:

— кандидатура истца-представителя должна утверждаться судом, а каждый участник группы имеет право обратиться с заявлением к суду о принятии его кандидатуры ведущим истцом (истцом-представителем) при рассмотрении группового иска;

— кандидатура истца-представителя должна отвечать установленным требованиям:

- 1) его интерес не может противоречить коллективному интересу представляемой группы;
- 2) представить в суд доказательства решительности и активности в защите интереса группы;
- 3) обладать высокой моралью;
- 4) быть способным нести финансовые издержки, связанные с процессом;
- 5) адвокат должен быть компетентен, а его интересы не должны расходиться с интересами группы;
- 6) при этом адвокат истца-представителя может наниматься только по согласию суда.

То есть представительской особенностью правоприменения группового иска в странах общего права являются довольно жесткие требования законодательства США к истцу-представителю и соответствующему адвокату.

В этой связи стоит указать на основные элементы конструкции группового иска, отраженной в части 19 (b) о групповом судебном разбирательстве CPR 1998¹⁶:

1) перечень четырех предпосылок выступления исковой группы (класса соистцов, соответчиков): многочисленность, общие вопросы права или факта, общие требования или возражения представителей сторон, условие справедливости и адекватности защиты представителями сторон интереса группы (класса соистцов, соответчиков);

2) порядок предъявления групповых исков;

3) механизм определения приказом возможности рассмотрения судом группового иска с учетом содержания: занятия участников группы; их решений; требований группы и связанных с нею лиц;

4) содержание приказов, издаваемых при рассмотрении исков:

— относительно порядка судопроизводства и мер, направленных на предотвращение повтора или осложнения, связанных с предоставлением суду доказательств, аргументов;

— относительно защиты интереса членов группы, справедливости рассмотрения иска;

— по условиям, возлагаемым на стороны; и т.д.;

5) порядок прекращения дела, достижения компромисса с одобрением суда.

Обозначенные нормы помимо множества пунктов, подпунктов части 19 (b) детализируются специальными пояснениями Консультативного комитета по гражданско-правовым вопросам (Advisory Committee on Rules), подчиняющегося департаменту Верховного Суда США или верховного суда штата США (например, пояснения Консультативного комитета Мэриленда 1969 г.¹⁷), которые выходят с учетом вступления в силу соответствующих судебных решений (прецедентов), поправок к закону и при появлении другой важной информации по соответствующим нормам закона¹⁸.

В частности, пояснения Консультативного комитета Верховного Суда США 2009 г.¹⁹ среди прочих официальных комментариев включают толкование поправки об увеличении с 10 до 14 дней срока для получения разрешения на апелляцию с целью уменьшения риска того, что попытки обжалования нарушат непрерывное разбирательство.

Таким образом, толковательная особенность правоприменения групповых исков в странах общего права характеризуется достаточно объемными статутными нормами об элементах этой конструкции, которые детализируются в США официаль-

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Class Actions Under Federal Rule 23 (B) (3) — the Notice Requirement, 29 Md. L. Rev. 139 (1969).

¹⁸ Rules Comments. URL: <http://www.uscourts.gov/rules-policies/records-and-archives-rules-committees/rules-comments> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁹ Advisory Committee on Rules of Civil Procedure — May 2009. Washington, D.C. 20544. URL: http://www.uscourts.gov/sites/default/files/fr_import/CV05-2009.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

¹³ Subrin S.N., Brodin M.S., Main T.O., Minow M.L. Civil Procedure. Doctrine, Practice and Context. New York, 2008. P. 926–929.

¹⁴ Боровская Е.И. Защита коллективных интересов в арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 170.

¹⁵ Civil Procedure Rules (CPR), 1998. Practice Direction 19b — Group Litigation. URL: <http://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil> (дата обращения: 20.05.2020).

ными пояснениями Консультативного комитета по гражданско-правовым вопросам на федеральном и региональном уровнях.

С учетом вышеизложенного можно систематизировать некоторые особенности четырех основных элементов юридической конструкции защиты права, законного интереса исковой группы в странах общего права.

Во-первых, элемент группы соистцов характеризуется использованием двух порядков вхождения в такую группу (модели *opt-in* как выбора в пользу присоединения к группе в Англии и модели *opt-out* как выбора в пользу выхода из исковой группы в США); формированием исковой группы по достаточным аргументам для определения судом ее состава (прецедент²⁰); установления обязательных признаков принятия группового иска (признания исковой группы).

Во-вторых, элемент стороны ответчика рассматриваемой конструкции отличается приоритетом либеральных взглядов при участии корпораций ответчиками при наличии вектора снижения уровня либеральности введением специальных норм (CAFA²¹ и пр.).

В-третьих, элемент представителя исковой группы определяется поддержкой интереса юристов-представителей с отходом от первоначальной цели защиты прав исковой группы; жесткими требованиями законодательства США к юристу-представителю.

В-четвертых, механизм защиты нарушенного права характеризуется длительным периодом формирования прецедента, распространением судебного решения на каждого участника исковой группы; активной защитой групповых интересов в связи с вредными последствиями от применения опасных технологий; детализацией элементов группового иска в силу принятия закона (CAFA²² и пр.); основными целями защиты коллективного интереса (часть 19 CPR 1998 и пр.); официальным толкованием порядка правоприменения конструкции групповых исков в странах общего права.

Литература

1. Боровская Е.И. Защита коллективных интересов в арбитражном судопроизводстве : диссертация кандидата юридических наук / Е.И. Боровская. Саратов, 2014. 234 с.

2. Долганичев В.В. «Opt-in» против «opt-out»: две различные модели формирования группы в групповом производстве / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 1. С. 20–24.

²⁰ Emerald Supplies Limited & Anor v British Airways [2010] EWCA Civ 1284. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2010/1284.html> (дата обращения: 20.05.2020).

²¹ Class Action Fairness Act of 2005 (CAFA). Page 118 STAT. 4. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-109publ2/html/PLAW-109publ2.htm> (дата обращения: 20.05.2020).

²² Class Action Fairness Act of 2005 (CAFA). Page 118 STAT. 4. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-109publ2/html/PLAW-109publ2.htm> (дата обращения: 20.05.2020).

3. Журбин Б.А. Процессуальные особенности рассмотрения судами дел по групповым и производным искам : диссертация кандидата юридических наук / Б.А. Журбин. Саратов, 2013. 224 с.

4. Забродин Д.М. Групповые иски в гражданском процессуальном праве России: проблема порядка присоединения к группе / Д.М. Забродин // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 9. С. 65–68.

5. Holden M. Mass action against Google over iPhone data blocked by London court / M. Holden, D. Busvine // Reuters. 2018. 8 October.

6. Resnik J. Whither and Whether Adjudication? / J. Resnik // Boston University Law Review. 2006. Vol. 86. P. 1101–1154.

7. Subrin S.N. Civil Procedure. Doctrine, Practice and Context / S.N. Subrin, M.S. Brodin, T.O. Main, M.L. Minow. 3rd edit. New York : Aspen Publishers, 2008. P. 926–929.

8. White M.J. Asbestos Litigation: Procedural Innovations and Forum Shopping / M.J. White // The Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 35 (2). P. 367–368.

References

1. Borovskaya E.I. Zashchita kolektivny'kh interesov v arbitrazhnom sudoproizvodstve : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Protection of Collective Interests in Arbitration Proceedings : thesis of PhD (Law)] / E.I. Borovskaya. Saratov — Saratov, 2014. 234 s.

2. Dolganichev V.V. «Opt-in» protiv «opt-out»: dve razlichny'e modeli formirovaniya gruppy' v gruppovom proizvodstve [Opt In Vs. Opt Out: Two Different Class Establishment Models in Class Proceedings] / V.V. Dolganichev // Arbitrazhny'y i grazhdanskiy protsess — Arbitration and Civil Procedure. 2015. № 1. S. 20–24.

3. Zhurbin B.A. Protsessualny'e osobennosti rassmotreniya sudami del po gruppovym i proizvodny'm iskam : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Procedural Peculiarities of the Judicial Review of Class and Derivative Suits : thesis of PhD (Law)] / B.A. Zhurbin. Saratov — Saratov, 2013. 224 s.

4. Zabrodin D.M. Gruppovy'e iski v grazhdanskom protsessualnom prave Rossii: problema poryadka prisoedineniya k gruppe [Class Suits in Russian Civil Procedure Law: The Issue of the Procedure for Joining a Class] / D.M. Zabrodin // Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2012. № 9. S. 65–68.

5. Holden M. Mass action against Google over iPhone data blocked by London court / M. Holden, D. Busvine // Reuters. 2018. 8 October.

6. Resnik J. Whither and Whether Adjudication? / J. Resnik // Boston University Law Review. 2006. Vol. 86. P. 1101–1154.

7. Subrin S.N. Civil Procedure. Doctrine, Practice and Context / S.N. Subrin, M.S. Brodin, T.O. Main, M.L. Minow. 3rd edit. New York : Aspen Publishers, 2008. P. 926–929.

8. White M.J. Asbestos Litigation: Procedural Innovations and Forum Shopping / M.J. White // The Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 35 (2). P. 367–368.

Курбатов А.Я.

Соотношение неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами

В статье доказывается, что неустойка и проценты за пользование чужими денежными средствами относятся к санкциям дополнительного (штрафного) характера, но при этом различаются целым рядом признаков, и соответственно, их следует признать двумя самостоятельными разновидностями штрафных санкций и мер гражданско-правовой ответственности. Как следствие, одновременное их взыскание, в том числе начисление друг на друга, нарушает общеправовой принцип, согласно которому две санкции штрафного характера за одно правонарушение применять нельзя.

Ключевые слова: неустойка (штраф, пеня), проценты за пользование чужими денежными средствами.

Kurbatov Aleksey Ya., Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, LL.D.

The Correlation Between Forfeit and Interest

The article proves that the default interest and percent on borrowed funds related to additional sanctions (penalty) nature, but differ in a number of signs and, accordingly, they should be recognized as two separate species of penalties and measures of civil liability.

As a result, their simultaneous collection, including charging each other, violates the general legal principle that two penal sanctions for one offense cannot be applied.

Keywords: penalty (fine, penalty), percent on borrowed funds.

Символоков О.А.

Формирование гражданско-правовых механизмов поддержки распределенной генерации

В статье на основе доктрины, документов стратегического планирования, законодательства в сфере электроэнергетики и теплоэнергетики анализируются концептуальные основы развития распределенной генерации энергии.

На основе проведенного исследования высказано мнение о необходимости планомерного развития распределенной генерации в тесном соприкосновении с централизованной энергетикой и в тех направлениях, которые позволят российской энергетике своевременно реагировать на возникающие вызовы и угрозы. Предлагаются гражданско-правовые механизмы поддержки развития распределенной генерации.

Ключевые слова: распределенная генерация, собственная генерация, когенерация, возобновляемые источники энергии, микрогенерация, активный потребитель.

Simvolokov Oleg A., Leading Research Scientist of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, PhD (Law), Associate Professor

The Establishment of Civil Law Mechanisms of Distributed Generation Support

Based on the doctrine, strategic planning documents, legislation in the field of electric power and heat supply, the article analyzes the conceptual foundations of the development of distributed energy generation.

Based on the study, an opinion was expressed on the need for the planned development of distributed generation in close contact with centralized energy and in those areas that will allow the Russian energy sector to respond in a timely manner to emerging challenges and threats. Civil-law mechanisms to support the development of distributed generation are proposed.

Keywords: distributed generation, own generation, cogeneration, renewable energy sources, microgeneration, active consumer.

Ульбашев А.Х.

Соавторы как субъекты авторского права

Настоящая статья посвящена гражданско-правовому институту соавторства. По мнению автора статьи, соавторство следует понимать не как особый режим объекта гражданских прав (результата интеллектуальной деятельности), а как совокупность прав и обязанностей соавторов, образующих в своем единстве правовое положение соавторов. Особое внимание уделяется проблеме осуществления прав соавторами при использовании результатов интеллектуальной деятельности. Автор отмечает, что немногочисленность судебной практики по данной категории дел свидетельствует не об успешности и эффективности этой сферы правового регулирования, а о неразвитости общественных отношений по соавторству. В этой связи, в отличие от западных стран, в России возможные споры между соавторами разрешаются неправовыми способами. В заключение сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства о соавторстве.

Ключевые слова: творчество, соавторство, основания возникновения соавторства, осуществление прав соавторами, соглашение о соавторстве.

Ulbashev Alim Kh., Lecturer of the French University College under the Lomonosov Moscow State University (MSU), PhD (Law)

Co-Authors as Copyright Subjects

This article is devoted to the private-law institute of co-authorship. According to the author's point of view, co-authorship is not a specific copyright regime but a set of the co-author's rights and obligations, directly related to his legal status. Particular attention is paid to the exercise of the co-authors' rights. The author suppose that the small number of cases on co-authorship issues in the national judicial practice testify not to the success and effectiveness of this area of legal regulation but to the underdevelopment of co-authorship in Russia. Today, possible disputes between co-authors are mostly resolved by non-legal means. In conclusion, author indicates the need for further improvement of the legislation on co-authorship.

Keywords: creativity, co-authorship, grounds for co-authorship, exercise of co-authors' rights, co-authorship agreement.

Видра Д., Санникова Л.В., Харитонов Ю.С.

Социализация права и технология распределенного реестра: трансформация регулятивного воздействия

Нарастающая социализация права требует применения все более детальной настройки публично-правовых ограничений по отношению к свободе экономической деятельности, базирующейся на частноправовом регулировании. Во многих государствах вводится понятие социального предпринимательства как разновидности специфической деятельности, одобряемой и поддерживаемой государством. Социальные предприятия нуждаются в соблюдении баланса между контролем со стороны государства и общества и обеспечением свободы усмотрения. Технология распределенного реестра блокчейн предлагает социальным предприятиям целый ряд возможностей оказать позитивное влияние на мир, ведя свою деятельность прозрачно и оставаясь подотчетными обществу, государству, инвесторам. Требуется разработать правовые основы применения технологии блокчейн для выполнения государственных функций социальными предприятиями.

Ключевые слова: социализация права, социальное предпринимательство, технология распределенного реестра, государственное регулирование предпринимательской деятельности.

Wydra Doris, Executive Director of the Centre of European Union Studies of the Paris Lodron University (Salzburg, Austria)

Sannikova Larisa V., Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS), LL.D., Professor

Kharitonova Yulia S., Professor of the Department of Entrepreneurial Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU), LL.D., Professor

The Socialization of Law and the Distributed Ledger Technology: The Transformation of Regulatory Impact

The growing socialization of law requires the application of more and more detailed settings of public-law restrictions in relation to the freedom of economic activity based on private-law regulation. Many States have introduced the concept of social entrepreneurship as a type of specific activity that is approved and supported by the state. Social enterprises need to maintain a balance between state and public control and ensuring discretion. Blockchain distributed Ledger technology offers social enterprises a number of opportunities to make a positive impact on the world by conducting their activities transparently and remaining accountable to society, the state, and investors. It is necessary to develop a legal framework for the use of blockchain technology for performing state functions by social enterprises.

Keywords: socialization of law, social entrepreneurship, distributed registry technology, state regulation of business activity.

Карцхия А.А.

Цифровые корпорации в новом качестве управления

В статье рассматриваются правовые аспекты формирования современных цифровых (онлайн) технологических платформ и их роль в экономике и имущественном отношении, влияние на формирование новых субъектов правового регулирования, в том числе в сфере корпоративных отношений. Процесс цифровой трансформации формирует новые правовые институты на основе широкого применения цифровых технологий, создает предпосылки для создания новых организационных форм ведения бизнеса — «цифровых корпораций» в условиях формирования современной цифровой экономики в различных ее областях. По мнению автора, процесс цифровизации вступает в свою новую фазу развития, которая характеризуется формированием цифровых бизнес-структур — цифровых предприятий, цифровых корпораций, осуществляющих свою деятельность на основе новых бизнес-моделей, включая цифровые технологические платформы (digital platforms). Актуальным правовым явлением в эпоху цифровой трансформации корпоративных отношений становится наметившийся переход к стандартам ESG (экологические и социальные факторы, качество корпоративного управления), который требует соответствующего правового регулирования современных корпоративных отношений.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровые корпорации, цифровой оборот, корпорации, предпринимательская деятельность, промышленная собственность, искусственный интеллект, онлайн-платформа.

Kartskhiya Aleksandr A., Professor of the Department of Civil Law of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), LL.D., Associate Professor

Digital Corporations in the New Management Quality

The article discusses legal aspects of modern digital (online) technology platforms, their role in the economy and property relations and formation impact of new law regulation of incorporated identities, including corporate relations. The process of digital transformation creates new legal institutions based on the widespread use of digital technologies, creates prerequisites for the creation of new legal forms of doing business — “digital corporations” in the context of the formation of a modern digital economy in its various fields. According to the author, the process of digitalization is entering a new phase of development, which is characterized by the formation of new digital business structures — digital enterprises, digital corporations that operate on the basis of new business models, including digital technology platforms. An actual legal phenomenon in the era of digital transformation of corporate relations is an emerging transition to ESG standards (environmental and social factors, quality of corporate governance), which requires appropriate legal regulation of modern corporate relations.

Keywords: digital technologies, digital corporations, digital turnover, corporation, business activity, industrial property, artificial intelligence, online platform.

Комиссарова Е.Г.

Информационное содействие и информационные обязанности сторон в обязательстве: системный взгляд

В статье исследуется проблема разграничения и соотношения таких правовых понятий, как информационное содействие и информационная обязанность, их связь с принципом добросовестности. Автор отстаивает точку зрения, согласно которой правилам об информационном содействии отведена роль юридического инструмента, способного компенсировать сторонам обязательства недостающую осведомленность, влияющую на экономический эффект всякого обязательства. В стремлении не выходить за пределы законодательного замысла, вложенного в п. 3 ст. 307 ГК РФ, автор исходит из того, что поведенческие акты, совершаемые во исполнение требований норм права об информационном содействии, воплощают в своем содержании иные инструменты, нежели те, которые именуются юридическими обязанностями.

Ключевые слова: сотрудничество сторон, принцип добросовестности, информационное содействие, информационная обязанность, свобода договора.

Komissarova Elena G., Professor of the Department of Civil Law of the Perm State University, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of State and Law of the Tyumen State University, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, LL.D., Professor

Informational Cooperation and Informational Liabilities of Parties in an Obligation: A Systemic View

The article explores the problem of differentiation and correlation of such legal concepts as information assistance and information duty, their connection with the principle of good faith. The author defends the point of view that the rules on information assistance play, the role of a legal instrument, able to compensate the parties to the obligation for the lack of awareness that affects the economic effect of any. In an effort not to go beyond the legislative intent embedded in clause 3 of article 307 of the civil code of the Russian Federation, the author proceeds from the fact that behavioral acts, the actions performed in compliance with the requirements of the law on information assistance embody other tools in their content than those that are called legal obligations.

Keywords: cooperation of the parties, principle of good faith, information assistance, information obligation, freedom of contract.

Минбалеев А.В.

Проблемы правового регулирования использования цифровых технологий в деятельности саморегулируемых организаций

В статье рассматриваются основные проблемы и перспективы использования цифровых технологий в саморегулируемых организациях, а также возможности установления механизма саморегулирования на рынке цифровых технологий. Анализируются полномочия саморегулируемых организаций с точки зрения возможности использования цифровых технологий в процессе их реализации.

В статье делается вывод о необходимости специального расширения сферы саморегулирования за счет включения специальной сферы — области разработки, внедрения и эксплуатации (использования) цифровых технологий определенного перечня. Представляется, что особенности саморегулирования в области разработки, внедрения и эксплуатации (использования) цифровых технологий определенного перечня, в том числе блокчейн, искусственный интеллект, большие данные, нейронные сети, должны устанавливаться законодательством о цифровых технологиях. Соответствующее положение обязательно должно найти отражение в Федеральном законе «О саморегулируемых организациях». Рассматриваются проблемы соотношения механизма саморегулирования и экспериментальных правовых режимов, а также роль этических кодексов использования цифровых данных и цифровых технологий в развитии саморегулирования в этой сфере.

Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемые организации, цифровые технологии, экспериментальные правовые режимы, этика.

Minbaleev Aleksey V., Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Expert of the Russian Academy of Sciences, LL.D., Associate Professor

Issues of the Legal Regulation of Digital Technology Use in Operations of Self-Regulated Organizations

In the article, the author considers the main problems and prospects of using digital technologies in self-regulating organizations, as well as the possibility of establishing a mechanism for self-regulation in the digital technology market. The author analyzes the powers of self-regulating organizations in terms of the possibility of using digital technologies in the process of their implementation.

The article concludes that there is a need for special expansion of the sphere of self-regulation by including a special sphere — the field of development, implementation and operation (use) of digital technologies of a certain list. It seems that the specifics of self-regulation in the development, implementation and operation (use) of digital technologies of a certain list, including blockchain, artificial intelligence, big data, and neural networks should be established by the legislation on digital technologies. The corresponding provision must be reflected in the Federal law “on self-regulating organizations”. The problems of correlation between the mechanism of self-regulation and experimental legal regimes, as well as the role of ethical codes for the use of digital data and digital technologies in the development of self-regulation in this area are considered.

Keywords: self-regulation, self-regulating organizations, digital technologies, experimental legal regimes, ethics.

Мельникова Т.В., Шалыева Ю.В.

Повестка дня общего собрания акционеров: некоторые проблемы правового регулирования

Статья посвящена некоторым проблемам правового регулирования повестки дня общего собрания акционеров. Авторы отмечают, что, несмотря на детализацию процедуры подготовки к общему собранию акционеров в последние годы развития акционерного законодательства, остаются некоторые проблемы в ее правовом регулировании. В частности, существуют различные подходы в судебной практике по применению срока исковой давности при обжаловании ничтожных решений общих собраний акционеров, в том числе связанных с нарушением правил о формировании повестки дня, по определению круга субъектов, уполномоченных на такое обжалование; нуждается в совершенствовании перечень оснований для отказа во включении советом директоров вопросов в повестку дня общего собрания. Авторы рекомендуют исключить п. 4 ст. 42 Закона об акционерных обществах, дополнить п. 5 ст. 53 Закона об акционерных обществах еще одним основанием для отказа советом директоров в удовлетворении требования акционеров о включении предложенных вопросов в повестку дня — непредставление вместе с требованием определенных в законодательстве документов.

Ключевые слова: акционерное общество, общее собрание акционеров, повестка дня.

Melnikova Tatyana V., Associate Professor of the Department of Civil Law of the Siberian Federal University, PhD (Law), Associate Professor

Shalyaeva Yulia V., Associate Professor of the Department of International Law and Comparative Legal Studies of the Katanov Khakas State University, LL.M., Associate Professor

Agenda of a General Meeting of Shareholders: Some Legal Regulation Issues

The article is devoted to certain problems of legal regulation. The authors note that, despite the detailed procedures for preparing for the general meeting of shareholders in recent years, the development of joint-stock legislation, there are some problems associated with its legal regulation. In particular, there are various approaches in judicial practice for applying the limitation period for appealing against minor decisions at general meetings of shareholders, including with violation of the rules for forming the day, by definition of the circle of entities that manage such an appeal; the list of questions should be completely changed. The authors recommend the exclusion of paragraph 4 of Art. 42 of the Law on Joint Stock Companies, supplement clause 5 of Article 53 of the Law on Joint Stock Companies, another reason for the board of directors to refuse to satisfy the shareholders' requirement to include the proposed issues on the agenda is the failure to submit documents specified in the legislation along with the requirement.

Keywords: joint-stock company, general meeting of shareholders, agenda.

Олейник Е.В.

Современные тенденции развития законодательства о саморегулируемых организациях в сфере строительства в Российской Федерации и государствах — членах Евразийского экономического союза

В статье анализируются современные тенденции развития законодательства о саморегулируемых организациях в строительной сфере в государствах — членах Евразийского экономического союза. Применяя метод сравнительно-правового анализа, автор выявляет общие закономерности и особенности правового регулирования указанных вопросов в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Армения, Кыргызской Республике. В настоящей статье автором были рассмотрены лишь отдельные вопросы развития законодательства о саморегулировании в странах Евразийского экономического союза, которые требуют дальнейшего изучения и правового урегулирования.

Ключевые слова: саморегулируемые организации в сфере строительства, саморегулирование, законодательство, государственное регулирование, Евразийский экономический союз.

Oleynik Elena V., Associate Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law)

Modern Tendencies of the Development of Laws on Self-Regulated Organizations in the Construction Sphere in the Russian Federation and Eurasian Economic Union Member States

The article analyzes the current trends in the development of legislation on self-regulating organizations in the construction sector in the member States of the Eurasian Economic Union. Using the method of comparative legal analysis, the author identifies General patterns and features of legal regulation of these issues in the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Armenia, and the Kyrgyz Republic. In this article, the author considered only certain issues of the development of legislation on self-regulation in the Eurasian Economic Union countries, which require further study and legal regulation.

Keywords: self-regulating organizations in the field of construction, self-regulation, legislation, state regulation, the Eurasian Economic Union.

Вологин С.С.

Особенности рассмотрения групповых исков в правовой семье прецедентного права

В настоящей статье проводится анализ особенностей рассмотрения групповых исков в правовой семье прецедентного права. Автор обращает внимание на различия процедур защиты группового иска в странах общего права. Несмотря на широкое применение в США и Великобритании группового иска, его реализация является одной из самых дискуссионных проблем в гражданском судопроизводстве. В частности, в статье раскрывается такая негативная особенность рассмотрения групповых исков в Великобритании, как прецедент отказа в формировании исковой группы. В качестве американской особенности правоприменения группового иска автор выделяет обязательные признаки принятия группового иска. Также автор систематизирует некоторые особенности четырех основных элементов юридической конструкции защиты права, законного интереса исковой группы в странах общего права: элемент группы соистцов, элемент стороны ответчика, элемент представителя исковой группы, механизм защиты нарушенного права. Каждый из элементов обладает своими уникальными признаками, которые характеризуют групповые иски в странах прецедентного права. Например, рассматриваются такие особенности: жесткие требования законодательства США к юристу-представителю, активная защита групповых интересов в связи с вредными последствиями от применения опасных технологий и др.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, групповой иск, гражданский истец, прецедентное право, общее право.

Vologin Sergey S., Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

The Peculiarities of the Review of Class Suits in the Legal System of Case Law

This article analyzes the features of the consideration of class actions in the legal family of case law. The author draws attention to the differences in class action defense procedures in common law countries. Despite the widespread use of class action in the United States and the United Kingdom, its implementation is one of the most controversial issues in civil litigation. In particular, the article reveals such a negative feature of the consideration of class actions in the UK as a precedent for refusing to form a claim group. The American feature of class action enforcement is the introduction of 4 mandatory signs of class action. The author also systematizes some features of the four main elements of the legal construction of the defense of law, the legitimate interest of the lawsuit group in common law countries: an element of the co-defenders group, an element of the defendant's side, an element of the lawsuit's representative, and a mechanism for protecting violated rights. Each of the elements has its own unique characteristics that characterize class actions in countries of case law. For example, the following features are considered: stringent requirements of US law to a representative lawyer, active protection of group interests in connection with harmful consequences from the use of hazardous technologies, etc.

Keywords: civil legal proceedings, group claim, class action, civil plaintiff, case law, common law.